МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МУЗЕЕВЕДЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В СССР

ВЫПУСК VI

МОСКВА—1968

Ю. Ф. Буряков, Н. С. Садыкова

МУЗЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКСКОЙ ССР

(1876—1964)

Среди музеев Узбекской ССР ведущее место занимает Музей истории народов Узбекской ССР, выросший на базе Туркестанского музея, первого музея Средней Азии[1]. Являясь музеем широкого профиля, он хранит в своих фондах богатейшие коллекции, среди которых немало уникальных исторических материалов и произведений искусства Средней Азии с древнейших времен и до наших дней. Эти фонды служат источниковедческой базой для исследователей, основой для экспозиций и массовой научно-просветительной, пропагандистской и воспитательной работы музея. Экспозиции музея дают представление о яркой и своеобразной культуре народов Средней Азии, их освободительном движении против иноземных захватчиков, о становлении здесь Советской власти, о тяжелой и упорной борьбе с басмачеством. Они отражают расцвет экономики, науки и культуры социалистического Узбекистана, его достижения в коммунистическом строительстве. Музей пользуется популярностью не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. За 90 лет своего существования музей приобрел значительный опыт музейной методической работы, пройдя большой и сложный путь творческих исканий.

Авторы сознают, что предлагаемый ими исторический очерк не является исчерпывающим. В нем сделана попытка выявить и осветить лишь основные этапы деятельности этого старейшего научного и культурно-просветительного учреждения в Средней Азии[2].

[1] См.: Ю. И. Гласс, Л. М. Ланда. Музеи Узбекистана. Ташкент, 1959.

[2] Работа написана на материалах Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР (далее ЦГИА УзССР), научного архива Музея истории народов Узбекистана и Музея искусств Министерства культуры и Министерства народного просвещения УзССР. Кроме того, были использованы работы: Г. Р. Рашидов. Итоги работы музея истории Узбекской ССР (1943—1955 гг.)—«Труды музея истории Узбекской ССР», вып. 3. Ташкент, 1956; Т. Файзиев. Музей истории Академии наук Узбекской ССР.—«Советская этнография», 1962, № 1; хранящиеся в архиве музея рукописные труды с разрешения авторов: Г. Н. Чабров. История музейного дела в Туркестане в дореволюционный период, 1948; Н. В. Мухаммеджанова, Г. Р. Рашидов, Т. С. Ясковичева. Музей истории Академии наук Узбекской ССР. Исторический очерк, 1959, а также годовые отчеты научных сотрудников музея.

Развитие капиталистических отношений и связанные с этим агрессивные устремления царизма привели, начиная с середины XIX века, к включению в состав России ряда среднеазиатских владений. Завоеванием Туркестана Россия стремилась расширить рынки сбыта и получить новые источники сырья. Однако присоединение Средней Азии к России сыграло объективно прогрессивную роль в жизни ее народов. Оно способствовало ликвидации феодальных распрей, междоусобных войн, развитию экономики края, ставшей частью народного хозяйства России. Важнейшим объективным следствием присоединения Средней Азии к России было вовлечение трудящихся масс в революционно-освободительное движение, возглавляемое русским пролетариатом. Благотворное влияние на развитие культуры этой национальной окраины оказало приобщение ее к передовой русской культуре.

Царское правительство создавало всякого рода препоны и барьеры на пути развития экономики и культуры народов Средней Азии, сближения их с другими национальностями России. Однако оно не в состоянии было остановить этот закономерный процесс. Сами колониальные власти не могли не интересоваться Средней Азией, поскольку им необходимо было знакомство с этой новой громадной колонией, форпостом царского владычества на Востоке, источником обогащения русских помещиков и капиталистов.

Организация общественного музея в 70-е годы в Ташкенте не явилась случайностью[1], она отражала процесс установления

[1] См.: Д. А. Равикович. Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX века; С. А. Овсянникова. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху. А. М. Разгон. Российский Исторический музей (1872—1917), вып. 2, 1961; «Очерки истории музейного дела в России», вып. 2, 1960; его же. Археологические музеи в России (1861—1917).—Там же, вып. 3, 1961. Очерк истории военных музеев в России (1861—1917), там же, вып. 4, 1962; М. А. Девлэт. Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Мину-

культурных и экономических связей Туркестана с Россией, пробуждение интереса к этой стране. Живое участие в судьбе Туркестана принимали передовые русские ученые. Материалы, связанные с природой, историей, культурой края, собирали не только специалисты, ученые, но и любители-коллекционеры, а также некоторые представители военной администрации. В руках частных лиц, отдельных учреждений и обществ складывались замечательные коллекции по минералогии, зоологии, нумизматике, этнографии Туркестана.

Сведение их воедино представляло большой научный интерес, так как способствовало систематизации знаний о Туркестане. Не случайно с предложением об открытии общественного музея выступил во время своего первого приезда в Ташкент в 1869 году исследователь Туркестана А. П. Федченко. Еще в Москве он приложил много сил для пробуждения внимания ученых к Туркестану и привлечения их туда на работу[1]. В Ташкенте Федченко стремился объединить силы передовой научной общественности. В 1870 году по его инициативе создается Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В докладной записке на имя генерал-губернатора Н. П. Кауфмана Федченко писал, что «для успешного развития Туркестана необходимо основательное с ним знакомство и музей есть лучшее к этому средство»[2]. Музей широкого краеведческого профиля мог объединить и специалистов, и любителей-коллекционеров, изучающих различные стороны жизни края.

Вторично вопрос об объединении коллекций и создании музея был поднят в 1871 году на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Федченко, как секретарю отдела, поручили составить конкретные предложения об организации музея. Однако вопрос о музее пришлось отложить в связи с более срочным делом: силы передовой общественности были направлены на организацию Туркестанского отдела Всероссийской Политехнической выставки 1872 года, для чего многие коллекции отсылались в Москву. Федченко, принявший активное участие в создании Туркестанского отдела, предложил для более полной

синского музея (1877—1917).—Там же, вып. 5, 1963; Л. Н. Сак. Из истории возникновения и развития Киевского государственного музея западного и восточного искусства (1833—1945).—Там же, вып. 5, 1963; Л. М. Балан. Краткий исторический очерк о музее природы. «Вопросы музееведения. Труды Музея природы». Ташкент, 1966.

[1] См.: А. А. Азатьян. Выдающиеся исследователи Средней Азии (вторая половина XIX в.), ч. 1. Ташкент, 1940, стр. 91.

[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 259, л. 10.

характеристики края сопровождать показ экспонатов публичными чтениями[1].

Трагическая смерть этого замечательного исследователя в 1873 году на некоторое время приостановила разрешение вопроса о музее, но вскоре научная общественность Ташкента (В. Ф. Ошанин, Н. А. Маев, И. И. Краузе, Д. Ю. Южаков) вновь обратилась к генерал-губернатору Сыр-Дарьинской области с просьбой создать музей, причем в основу его, как и прежде, предполагалось включить ряд частных коллекций и пожертвований. Положительный ответ не был получен. Тогда инициатор открытия музея, друг и последователь Федченко, В. Ф. Ошанин, возглавлявший школу шелководства в Ташкенте, временно выделил для музея несколько комнат школы и разместил в них переданные музею частные собрания и некоторые материалы школы шелководства. Однако отсутствие официального разрешения ограничивало возможности развития музея. В начале 1876 года в ташкентской прессе вновь обсуждалась проблема организации Туркестанского музея, причем подчеркивалась его польза и для местных фабрикантов и торговцев[2]. Открытие музея было, наконец, санкционировано. Коллекции к этому времени пополнились материалами химической лаборатории[3] и школы шелководства.

Вновь созданный музей был передан Статистическому комитету, руководство им возглавил Комитет членов Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, в ведение которого музей перешел в 1877 году. Первым заведующим был редактор газеты «Туркестанские ведомости» Н. А. Маев. Активный сторонник организации музея, он, ввиду отсутствия казенного помещения, предоставил для экспозиции свою квартиру, в которой музей находился до 1878 года. Средства, выделяемые для снятия помещения, он расходовал на приобретение экспонатов. О передаваемых музею коллекциях регулярно сообщалось в печати.

Музей имел 4 отдела: технический вместе с этнографическим, естественноисторический, археолого-нумизматический и сельскохозяйственный[4]. Экспозиция начиналась с коллекции местной стенной живописи (дар И. И. Краузе). В следующей комнате были выставлены присланные из Кульджи одежды

[1] См.: ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 15, д. 73, л. 27.

[2] Газета «Туркестанские ведомости», 1876, № 8.

[3] При химической лаборатории общества с 1871 г. существовал небольшой музей (коллекции по горному делу и нумизматике).

[4] См.: Н. А. Маев. Заметки о Ташкентском музее.— «Туркестанские ведомости», 1876, № 28.

народностей Илийской долины (от простых рубах до дорогих халатов и костюмов), одежда воина, подбитая толстыми железными пластинками, местная кольчуга, сплетенная из железных колец. Раздел местного оружия был самым бедным в музее. Заслуживал внимания лишь тяжелый фальконет с серебряными насечками. Представляли интерес богатая конская упряжь из коллекций Н. Н. Головачева, Д. Ю. Южакова и Вишневского, глиняные и кашинные[1] сосуды, подаренные И. И. Краузе и А. С. Петровым. Внимание привлекало собрание музыкальных инструментов — от огромной медной трубы (карная) до тростниковых трубочек[2]. Еще более интересной была коллекция струнных музыкальных инструментов[3]. Затем следовал полный комплект образцов местных хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и полушелковых тканей[4]; гиссарская алача и шахризябский багрем-беги[5]. Экспонировались также английские ткани, сбываемые на кашгарском рынке.

Один из шкафов экспозиции был заполнен различными бытовыми предметами, начиная с книг и письменных принадлежностей и кончая фарфоровыми, бронзовыми и глиняными статуэтками (бурханами), образцами местной бумаги и шелка, женскими украшениями, мусульманскими четками, талисманами и т. д.

Здесь же разместился небольшой промышленный отдел рекламного характера.

В естественноисторическом отделе, кроме чучел яка и тигра, были выставлены большая (85 экземпляров) коллекция птиц[6], энтомологическое собрание (полужесткокрылых и перепончатокрылых)[7], разных видов живых змей, гербарий растений ташкентской флоры[8].

Небогатый минералогический отдел включал образцы каменного угля и сопровождающих его окаменелостей, нефти, серы, солей, различных горных пород и минералов, железной, медной и свинцовой руд из районов Ташкента, Ферганы, Семиречья, Кызыл-Кумов, с берегов Аму-Дарьи.

В нумизматическом отделении обращали на себя внимание коллекции с уникальными экземплярами монет грекобактрийского, кушанского и сасанидского периодов III в. до н. э.— VI в. н. э.[1], индийские и мусульманские, вплоть до монет Пулат-хана.

Археологические экспонаты были представлены отдельными находками из района Той-Тюбе, Шахрухии, озера Иссык-Куль и изразцами Самарканда.

Заключительный, весьма неполный, сельскохозяйственный отдел включал собрание злаков и экземпляры семян местных сельскохозяйственных растений, материалы по пчеловодству из окрестностей Ташкента[2], полную коллекцию по шелководству[3] и дендрологические образцы.

Этот обзор показывает, что музей являлся собранием ценных, но разнородных, случайно объединенных коллекций. Однако сам факт появления музея послужил толчком к дальнейшему собиранию коллекций, каждая из которых могла быть использована определенной отраслью науки.

В первый период своего существования музей пользовался всеобщим вниманием, и каждый, кто имел возможность отыскать что-нибудь, представляющее ценность для науки, спешил обнаруженные предметы отослать для хранения в Ташкентский музей. По свидетельству современника[4], публика охотно посещала музей и специалисты разных отраслей знаний находили в нем немало интересного.

В соответствии с программой, разработанной в 1877 году, предполагалось расширение экспозиции и некоторое упорядочение отделов. Были выделены географический и антропологический отделы, а общий технический и этнографический отдел разделился на промышленный и этнографический. В 1880 году был выработан и утвержден устав музея, определивший его профиль, задачи и характер работы. Согласно уставу, музей должен был собирать и хранить материалы по геологии, ботанике, зоологии, этнографии, археологии, нумизматике, промышленности и сельскому хозяйству. Экспозиция музея открывалась «для ознакомления публики с произведениями Средней Азии и для того, чтобы ученые могли изучить уже собранные материалы по своей отрасли»[5]. Этот пункт устава имел важное значение, так как показывал, что устро-

[1] Н. А. Маев так называет посуду, сделанную из особой массы вроде папье-маше.
[2] Дар А. С. Петрова.
[3] Собрана в Фергане А. Ф. Эйхгорном.
[4] Сборы И. Р. Нольде в Ходженте.
[5] Национальные вышивки. Экспонаты переданы Н. А. Маевым.
[6] Передана генералом Колпаковским.
[7] Представлено В. Ф. Ошаниным и А. И. Вилькинсом.
[8] Собран И. И. Краузе.

[1] Тетрадрахма Евтидема, монеты Герая, Васудевы, Гимо-Кадфиса, Аза.
[2] Дар И. И. Краузе.
[3] Дар В. Ф. Ошанина.
[4] Н. С. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестане до учреждения туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1896.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 259, л. 32.

ители расценивали музей как научно-просветительное учреждение. Следует заметить, однако, что музей мало отвечал последнему требованию, так как в основном экспонировал отдельные, не связанные друг с другом коллекции.

Руководство музеем было возложено на Наблюдательный комитет, состоявший из пяти человек. Ему был подчинен заведующий музеем. Однако по этому уставу музею работать не пришлось: дальнейшая деятельность музея проходила уже в иной обстановке.

■

1880—1890 годы характеризуются наступлением реакции, усилением великодержавного шовинизма и национального угнетения. Эта политика царизма резко отрицательно отразилась и на научном собирательстве в Туркестане. При полном попустительстве, а иногда и при активном вмешательстве командования разграблялись и распылялись ценные археологические и этнографические материалы[1].

В тяжелое положение попал музей, перешедший теперь в ведение туркестанской администрации. Будучи центром национальной культуры, он не пользовался вниманием со стороны администрации. В 1883 году музей был слит с Публичной библиотекой. Библиотека и музей имели общего заведующего. Как правило, основные средства отдавались библиотеке, а музей был лишь придатком к ней. Фактически перестал существовать Наблюдательный комитет. Вся деятельность музея была поставлена под контроль генерал-губернатора, без согласия которого решения комитета считались недействительными. Полностью зависевший от канцелярии генерал-губернатора и в финансовом отношении, музей должен был испрашивать средства даже для чистки печных труб и мытья полов, на приобретение стеклянных банок для анатомических коллекций, а по ряду вопросов — обращаться с «нижайшими просьбами» к промышленникам[2].

Назначавшиеся администрацией края руководители музея нередко не имели должной квалификации и не понимали значения и ценности фондов музея. Н. И. Градеков указывает, что музей в то время (конец 80-х — начало 90-х г.) находился в «не совсем надежных руках»: многие пожертвованные ему предметы были утрачены, а экземпляры одной из редких рыб

■

[1] См.: Г. Н. Чабров. История музейного дела в Туркестане в дореволюционный период, стр. 78.

[2] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72. Архив Музея истории народов УзССР, оп. 1, д. 10, л. 6, 12 и 13.

были съедены (!) заведующим музеем в виде закуски[1]. Нередки были случаи хищения музейных ценностей. Здание музея не было приспособлено к хранению и обработке экспонатов. Уже в конце 80-х годов теснота помещения не давала возможности классифицировать вещи и размещать их в нужном порядке[2].

В последующие годы положение музея еще более ухудшилось. Пришедшее в негодность здание требовало постоянных ремонтных работ, на которые не хватало средств. Музей часто бывал закрыт, не всегда мог принять новые поступления. Отсутствие помещений, средств и необходимых условий для работы над фондовыми материалами приводило к депаспортизации экспонатов, а для зоологического отдела — к гибели ценных коллекций.

Приведем характерный пример. Для спасения влажных зоологических препаратов требовался спирт, однако музей безуспешно обращался за помощью к спиртозаводчикам. Поскольку профилактические работы своевременно не были проведены, в 1893 году эти коллекции погибли.

Если туркестанская администрация не только не способствовала, но и мешала развитию музея, то неоценимую помощь ему оказывали ученые и коллекционеры-энтузиасты. Они не прекращали собирания и изучения материалов по естественной истории, этнографии, археологии и нумизматике. В частности, именно в этот период А. В. Комаров, И. Т. Пославский и др. закладывают основы богатейших коллекций монет.

Большую роль в формировании исторического отдела музея сыграла организация в 1895 году Туркестанского кружка любителей археологии, объединившего интеллигенцию Туркестана на почве интереса к истории своего края. В состав кружка входил одно время заведующий библиотекой и музеем С. А. Лидский. В 1899 году материалы кружка были переданы музею[3].

■

Фонды музея вплоть до 1917 года пополнялись не систематически, от случая к случаю. В большинстве своем они складывались из даров. Лишь изредка покупались отдельные предметы и коллекции. Материал поступал от научных

■

[1] В. Мустафин. Николай Иванович Градеков (1883—1913 гг.). Воспоминания. Заметки.—«Исторический вестник», 1915, № 10, стр. 145.

[2] См.: ЦГИА УзССР, ф. 267, оп. 1, д. 28, л. 12.

[3] Подробно о кружке см. монографию Б. В. Лунина. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958. См. также ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 3, л. 9.

организаций, ученых, представителей местной администрации, промышленников и населения. Отделы росли неравномерно, собрания музея были разнохарактерными.

Исключительную ценность представляли естественноисторические коллекции животных, птиц, рыб, растений, минералов, подаренные известными исследователями Туркестана — Н. А. Северцевым, И. В. Мушкетовым, А. П. Федченко. В музей постоянно поступали археологические и нумизматические материалы.

Ряд интересных для истории Средней Азии экспонатов был передан в музей Императорской археологической комиссией[1]. Из частных поступлений следует отметить большую коллекцию монет, керамики, металлических изделий, принадлежавшую востоковеду Е. Ф. Калю и переданную музею после его смерти в 1891 году. Нередко в музей доставлялись отдельные монеты, сосуды, украшения. Так, в 1883 году начальник Зеравшанского округа направил сюда коллекцию монет, найденных под Самаркандом[2], в январе 1887 года музей обогатился архитектурными фрагментами арки медресе Кукельдеш в Ташкенте, разобранной после землетрясения 17 ноября 1886 года; в 1889 году была получена фотография рунического письма из Кара-Корума — дар горного инженера Боголюбского[3]. Уже в 1897 году археологический и нумизматический отделы составляли 1345 предметов из раскопок и 2017 монет[4].

Отдельные дары пополняли этнографический и естественно-исторический отделы. В 1897 году генерал-губернатор Сыр-Дарьинской области прислал в дар музею две шкуры кабана и оленя, житель Чарджоу Турков передал экземпляры редкой рыбы. В 1887 году А. И. Вилькинсоном были доставлены коконы тутового шелкопряда, препараты, демонстрировавшие развитие шелкопряда, коконы дубового манчжурского атлантового шелкопряда[5]. Из Туркестанской школы шелководства

[1] В 1887 г.—находки из Самарканда и Чустского уезда, в 1888 г.— серебряный браслет из Сайрама, в 1891 г.—бусы, украшения, металлические пластинки из Аулие-Ата, сасанидские монеты, медные и керамические сосуды из Керки, найденные в 1888 г., в 1896 г. — серебряная фигурка птички и бронзовый наконечник стрелы. В 1896 г. музей получил подаренную Археологической комиссией кельтообразную лопатку, индо-скифскую монету из Джизака, а в 1898 г.— каменную чернильницу и клад чагатаидских монет XIII в. Комиссия передавала музею экспонаты и в последующие годы.

[2] См.: Н. В. Мухаммеджанова, Г. Р. Рашидов, Т. С. Ясковичева. Музей истории АН УзССР. Исторический очерк, 1959.

[3] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 1, л. 1.

[4] Там же, д. 3, л. 33.

[5] Там же, ф. 1, оп. 11, д. 477, л. 131.

музей получил приспособления для размотки шелка и другие инструменты. В 1899 году из Андижана была прислана шкура тигра.

Огромный этнографический интерес представляли коллекции кузнечных инструментов и образцы кожевенного производства, подаренные музею местными жителями. У капитана Литвинова был приобретен альбом с 53 таблицами акварельных рисунков этнографического характера. Академия художеств передала музею ряд картин. Поступления от промышленников имели в основном рекламно-коммерческое назначение. В 1899 году музею была передана коллекция чая фирмы А. И. Лушникова в Ташкенте, в 1902 году — три образца медной руды и два — меди с металлургического завода в Туркестане «Назаров и К°». Горнопромышленник Ходжа Ахмед Шагиахмедов принес в дар музею около двух золотников золота и ползолотника платины. Сюда же были направлены для экспонирования сафьяновые кожи с кожзавода Соловьева в Чусте[1].

Одновременно с пополнением фондов новыми материалами музей из-за тесноты помещения лишался ценных экспонатов. Так, в Сельскохозяйственный музей передаются материалы сельскохозяйственного отдела, в Горный музей — собрание минералов. Ввиду отсутствия свободного места в музей не попали этнографические коллекции, подготовленные в 1900 году для выставки в Сан-Луи[2].

С начала 80-х годов было начато составление инвентарной описи. В 1886 году Е. Ф. Калем был подготовлен каталог лишь на некоторые материалы этнографии, нумизматики и археологии[3].

Разнородность и необработанность собраний музея бросалась в глаза. П. С. Уварова в 1888 году отмечала, что Ташкентский музей представляет собой собрание случайных вещей, большей частью без указания места и условий находки[4]. В 1889 году Н. А. Маев составил каталог на зоологические коллекции. Лишь в 1901 году была сделана опись археологических материалов.

■

Экспозиции музея и после официального его открытия фактически представляли собою открытые для обозрения

■

[1] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 3, л. 9, 11.

[2] Там же, ф. 1, оп. 17, д. 410, л. 114.

[3] Там же, ф. 72, оп. 1, д. 1, л. 13.

[4] П. С. Уварова. Губернские и областные музеи. М., 1888, стр. 8.

фонды музея. Отмеченное выше тяжелое материальное положение музея, потеря им ряда коллекций приводили к сокращению целых отделов. В 1900 году существовали лишь отделы этнографии, археологии и нумизматики.

Об экспозиции музея можно судить по описанию части его коллекций, сделанному Н. П. Остроумовым и И. В. Аничковым в 1900 году[1]. Описание состоит из пяти разделов: 1) гравюры и фотографии; 2) погребальные и надгробные древности; 3) древности домашнего быта; 4) мелкие археологические предметы; 5) нумизматические коллекции.

Первая группа (31 предмет) включала гравюры и фотокопии палеографических образцов, карты и планы археологических памятников, картины исторического характера. Во вторую группу (7 предметов) вошли оссуарии, кайраки и каменные бабы. Третий раздел «Древности домашнего быта» содержал глиняные сосуды, светильники, столики, архитектурные детали, металлические подставки, ступки, чаши, медное блюдо XIV—XVI веков с изображением звериного гона и фантастических животных, медные котлы и пр. Завершалось описание третьей группы характеристикой витрины со стеклянными поделками. Четвертый отдел, согласно описанию, состоял из мелких археологических находок — бронзовых зеркал, наконечников копий и стрел, украшений (бус, серег, подвесок, браслетов), печатей, орудий труда и культовых предметов. К пятому отделу авторы отнесли нумизматические коллекции, из которых в какой-то мере были описаны 744 монеты музея и 155 монет Туркестанского кружка любителей археологии. В таком же порядке эти собрания выставлялись, причем по требованию некоторых дарителей их коллекции показывались обособленно, с указанием бывшего владельца.

Содержание экспозиции в значительной мере определялось администрацией края. Уделяя мало внимания музею, она все же «заботилась» о пополнении его экспонатами, которые подчеркивали мощь царизма и прославляли завоевателей края. Так, в 1888 году в музей была передана фотография «Могила завоевателя Ташкента генерала Черняева». В 1902 году по приказу командующего войсками округа в музей поступили икона и киот, «сооруженные» в 1865—1870 годах

[1] «Описание археологической и нумизматической коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку». Составили Н. П. Остроумов и И. В. Аничков при участии студентов императорского С.-Петурбургского университета — М. и А. Ульяновых и Н. Остроумова. Ташкент, 1900.

на средства штаба «во имя первых устроителей края»[1], в 1906 году — деревянное резное блюдо, на котором в январе 1905 года были преподнесены хлеб-соль генерал-губернатору «от жителей Ташкента»[2]. В 1903 году создается военно-исторический отдел, который должен был показать превосходство русского оружия. Приказами генерал-губернатора в экспозицию были включены портреты русских генералов, образцы продукции русских промышленников в Туркестане.

При оценке экспозиции следует иметь в виду, что она соответствовала в целом уровню развития музеев России в тот период.

Туркестанский музей участвовал во многих выставках — местных, общероссийских и международных. В 1890 году экспонаты его демонстрировались на Туркестанской сельскохозяйственной выставке[3], в 1899 году — на Ташкентской фотографической выставке[4]. На международной Парижской выставке 1900 года музей был представлен предметами одежды и быта местных жителей, национальными инструментами, изделиями из кож, стекла, металла, экспонатами археологического и естественноисторического отделов[5]. Большая этнографическая коллекция (бытовые предметы, одеяла, вооружение, конское снаряжение Хивы, Коканда и Бухары) была направлена в 1906 году на Миланскую выставку[6].

После подавления революции 1905—1907 годов, всколыхнувшей не только русский народ, но и трудящиеся массы национальных окраин, управление краем несколько внимательнее стало относиться к музею: наряду с физической расправой царизм использовал все средства идеологического воздействия, чтобы удержать в покорности народные массы. Администрация края пыталась подчинить своему влиянию все культурно-просветительные учреждения. В 1906 году при музее вновь создается Наблюдательный комитет, 26 августа того же года утверждаются новые правила работы библиотеки и музея, несколько увеличивается бюджет. Для обработки коллекций в музей командируется на месяц известный восто-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 8, л. 19—22.
[2] Там же, д. 9, л. 14.
[3] См.: В. Мустафин. Николай Иванович Градеков (1883—1913 гг.)—«Исторический вестник», 1915, № 10, стр. 145.
[4] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 3, л. 5.
[5] Там же, д. 7, л. 11—13.
[6] Там же, д. 9, л. 9—10.

ковед А. А. Семенов (тогда делопроизводитель канцелярии). Всех этих мер было, конечно, совершенно недостаточно для нормального развития музея.

В эти годы заметны некоторые положительные сдвиги в научной деятельности музея, характерные и для других музеев страны. Они выразились в первую очередь в попытках целенаправленного организованного сбора коллекций. С 1907 года музей обратился с письмами к начальникам областей Туркестана и даже к русским консулам в Хоросане и Бомбее с целью получения для этнографического отдела образцов костюмов и предметов быта местных жителей, зарисовок гражданской архитектуры. В 1907 году начальник Памирского отдела передал интересное этнографическое собрание предметов быта и ремесленной продукции жителей горных районов Восточной Бухары — Мугиана, Румана, Вахана (халаты, головные уборы, рубашки, шаровары, чулки, обувь, даже деревянные кауши[1], в июне того же года начальником Ташкента доставлены из Аулие-Ата две каменные бабы[2]).

В 1908 году по инициативе известного орнитолога Н. А. Зарудного музей впервые начал организацию естественноисторических экспедиций. Экспедиции направляются сначала по Ташкентскому уезду, затем вдоль рек Чирчика и Пехема к горному хребту Чимган. Только во время одной из них, длившейся месяц, было найдено около 200 интересных предметов. Комплексный, научно обоснованный сбор коллекций позволил создать принципиально новую экспозицию. Группы птиц и зверей были размещены среди характерной растительности. Один из посетителей, осмотревший ее, отметил, что естественноисторический отдел знакомит зрителя с богатейшим миром животного царства Туркестана и позволяет в течение получаса совершить экскурсию от Аральского моря до снежных вершин Тянь-Шаня[3]. Этот отдел стал лучшим в музее.

В 1914 году археологом Л. А. Зиминым была сделана интересная попытка хронологического построения археолого-нумизматического отдела и научной паспортизации выставленных в нем предметов[4].

Музей пользовался большой популярностью. Об этом свидетельствует рост посещаемости. Если в 1900 году музей осмотрело 5400 человек, то за 7 месяцев 1908 года — 10 000, в 1913 году — 35 000, а в 1916 году — 37 000 человек, хотя музей работал не каждый день[1]. Следует подчеркнуть большой интерес местного населения к музею. Знаменательно сообщение, сделанное в газете «Среднеазиатская жизнь», о том, что «редкие русские посетители музея теряются в массе местных жителей, с большим вниманием рассматривающих его коллекции, несмотря на то, что многое в этих коллекциях непонятно, нуждается хотя бы в кратком пояснении на местном языке»[2].

В 1912—1913 году также отмечалось, что среди местного населения, особенно молодежи, наблюдается необычайный интерес к музею, который посещается молодежью не только из старого города, но и из окрестных кишлаков, откуда люди приезжают в Ташкент специально с целью осмотра музея[3].

В годы первой мировой войны музей вновь переживает кризис. Автор, описавший в 1916 году естественноисторический отдел, отмечал, что отдел не только прекратил рост, но и заброшен, запущен, разрушается паразитами, поэтому ценные коллекции находятся на краю гибели[4].

В. В. Бертольд, осматривавший музей в том же году, с горечью заявляет об упадке научной работы музея, который не имеет полного инвентаря, систематизированной экспозиции. Материалы археологического отдела расположены беспорядочно, монеты перемешаны таким образом, что составленная в 1901 году опись не может помочь разобраться в них. Бертольд считал необходимой полную реорганизацию музея.

Подводя итог дореволюционной деятельности музея, следует подчеркнуть, что создание его как одного из культурно-просветительных очагов края было прогрессивным явлением. Сосредоточивая различного рода памятники истории и искусства Туркестана, свидетельствующие о древней, самобытной культуре края и его природных богатствах, музей содействовал тем самым развитию национального самосознания, оказывал помощь ученым-ориенталистам в их научно-исследовательской работе. Однако, как и многие музеи дореволюционной России, он представлял собою скорее выставку-склад разного рода предметов и коллекций. Сформированный в значительной мере за счет пожертвований и не имевший материальной базы, музей зависел от произвола местной администрации. Конечно,

[1] Род горной обуви.
[2] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 8, л. 83 и 85.
[3] «Туркестанский курьер», 23 июля 1916 г., № 137.
[4] См.: ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 1193, л. 31.

[1] См.: «Среднеазиатская жизнь», 1907, № 185—187.
[2] Там же
[3] «Туркестанские ведомости», 1914, прибавление к № 53.
[4] «Туркестанский курьер», 1916, № 136.

нормально развиваться в таких условиях музей не мог. Резкое изменение в его положении произошло после Великой Октябрьской социалистической революции.

Революция ознаменовала коренной переворот во всех областях жизни нашего общества. С первых же дней своего существования Советское правительство уделяло огромное внимание культурному строительству, охране произведений искусства и деятельности культурно-просветительных учреждений.

1 июня 1918 года по инициативе Туркестанского народного университета музей был отделен от Публичной библиотеки и превращен в самостоятельное учреждение. Выработка «Положения» о музее и приведение в порядок его коллекций были поручены группе ученых во главе с Н. А. Зарудным. Наиболее активное участие в этой работе принимали А. А. Диваев, К. Ф. Федоров и З. В. Квитон.

Систематизация экспонатов и создание научного этикетажа были закончены в августе 1918 года, и с сентября Ташкентский музей, получивший название Туркестанского народного музея, возобновил свою деятельность. Первым заведующим его стал Н. А. Зарудный. Переданный Наркомпросу, музей первые годы фактически находился при Народном университете, а с 1920 года при Туркестанском государственном университете, что определило его научную направленность.

Уже в феврале 1919 года музей получил одно из лучших зданий города — часть Белого дома, бывшей резиденции туркестанского генерал-губернатора. Здесь была развернута новая экспозиция. Начали функционировать отделы зоологии, этнографии, археологии и нумизматики.

29 августа 1919 года были утверждены «Положение» и программа деятельности музея[1]. Туркестанский народный музей определялся как центральное научно-просветительное учреждение края, цель которого — «образование народа путем ознакомления его с историей, географией, антропологией, этнографией Туркестана»[2]. Экспозицию предполагалось перестроить так, чтобы она представляла собой «систему знаний по истории, экономике, культуре». Кроме экспозиции, музею поручалась организация передвижных выставок, музеев-аквариумов, террариумов, ботанических и зоологических садов.

[1] «Положение о Туркестанском народном музее» (1919). Архив Музея истории народов УзССР.

[2] Там же.

Для пополнения фондов музей должен был планировать тематические научные экспедиции и отдельные выезды, постепенно охватывающие всю территорию Средней Азии. В музей должны были передаваться все материалы археологических раскопок. Разрешалось приобретение экспонатов из сопредельных стран.

Перед музеем ставилась задача изучения и широкой популяризации его собраний, создания своих собственных научных трудов. Музей получил право устраивать научные конференции, учреждать ученые общества. В методическом отношении Туркестанский музей предполагалось сделать центром для областных музеев[1], объединяющим и направляющим их работу.

Внутреннее управление музеем осуществляла коллегия, которая состояла из заведующих отделами во главе с заведующим музеем. В штат музея в 1919 году входили 8 научных и 11 технических сотрудников. Для обработки коллекций разрешено было привлекать ученых различных специальностей.

«Положение» открывало перед музеем возможность превращения в крупное научно-просветительное учреждение Средней Азии. Однако структура музея и содержание его работы на первых порах почти не изменились. Музей состоял из исторического отдела с археологическим и нумизматическим подотделами, отдела этнографии и антропологии, позвоночных и беспозвоночных животных, ботаники, геологии. Создан был и художественный отдел. Работу каждого из них определяла специально составленная программа. Перед историческим отделом, в частности, стояли следующие задачи: сосредоточение письменных и печатных сведений по истории Средней Азии, карт, картин, портретов, вооружения, географических данных и описаний различных местностей, фотоснимков древних памятников. Большое внимание уделялось нумизматике как ценному пособию при изучении не только истории, но и мифологии, религии, культуры и т. д.[2]

Как и прежде, в центре внимания музея была древняя история[3], что отразилось и на первой экспозиции. К 1921 году она, как и раньше, представляла собой недостаточно систематизированную выставку основных коллекций, которую трудно

[1] К 1917 г. в Туркестанском крае было три музея. В 1923 г. открылись областные музеи — Джетысуйский и Чимкентский.

[2] Монеты, отсутствовавшие в экспозиции, предполагалось доставлять из областных музеев. Вместе с тем принимались меры для того, чтобы население было ознакомлено с исторической ценностью древних монет и сознавало, что пожертвование их в музей приносит большую пользу науке.

[3] См.: ЦГИА УзССР, ф. 31, оп. 1, д. 190, л. 295—296.

было использовать в пропагандистских целях. Особенно большие претензии могли быть предъявлены к историческому отделу: в его экспозиции почти не освещалась социальная история Туркестана, героическая борьба пролетариата, отсутствовали материалы по истории революционного движения.

В итоге произведенной в 1921 году проверки деятельности музея, коллегия Наркомпроса постановила «политизировать все музеи путем создания при них отделов социальной революции»[1]. Это постановление весьма медленно проводилось в жизнь, так как для его осуществления не было еще ни научной базы, ни музейных материалов.

В конце 1921 года музей был передан в ведение Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), что явилось новым этапом в его жизни и деятельности.

Туркомстарис[2] был создан в 1921 году по инициативе комиссии ВЦИК по делам Туркестана (М. З. Элиава, Я. Э. Рудзутак, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе) в связи с необходимостью охраны памятников старины и искусства, состояние которых в это время было очень тяжелым. Представлявший на первых порах лишь небольшую ячейку при комиссии ВЦИК, комитет благодаря энергии его сотрудников вскоре превратился в крупное научное и просветительное учреждение[3]. Ему были даны большие полномочия. В частности, все распоряжения и мероприятия Туркомстариса, утвержденные Наркомпросом Туркреспублики, являлись обязательными для местных властей. Туркомстарис имел право приобретать для Туркестанского музейного фонда предметы старины и

[1] См.: ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 8, л. 47.

[2] О деятельности Туркомстариса см.: Д. И. Нечкин. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии.—«Известия Средазкомстариса», 1926, вып. 1, стр. 3—17; А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывш. Туркомстариса) за пятилетие его существования; там же, стр. 18—42.

[3] Согласно декрету Совнаркома Туркреспублики от 23 мая 1921 г., в круг деятельности комитета включалось: а) заведование всеми музеями — гуманитарными, естественноисторическими и производственными, как центральными, так и местными; б) регистрация всех памятников старины, искусства и природы; в) охрана и реставрация памятников старины и искусства, охрана памятников природы; г) собирание и научная обработка всех материалов, относящихся к задачам Туркомстариса. См.: А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (б. Туркомстариса) за пятилетие его существования.—«Известия Средазкомстариса», вып. 1. 1926, стр. 20.

искусства, различные изделия и рукописи, а также производить обмен со Всероссийским музейным фондом[1].

Музей вошел в состав Туркомстариса под названием «Главный среднеазиатский музей». Хотя руководство музеем в целом возлагалось на директора, научную, в первую очередь, экспедиционную деятельность возглавлял Туркомстарис. Его сотрудники привлекались также для научной обработки фондов музеев.

По «Положению», принятому 23 июля 1922 года, в обязанности музея, как и прежде, входил сбор материала в Туркестане и в соседних районах и странах. Особенно подчеркивалась необходимость организации специальных экспедиций и командировок. В отличие от предыдущего «Положения» большое внимание теперь уделялось этнографическому отделу. Военно-исторический и вновь созданный историко-революционный отделы считались временными, поскольку предполагалась организация самостоятельных музеев этих профилей[2].

Важнейшей задачей была признана просветительная работа. На основании нового «Положения» в 1922 году был создан массовый отдел. Начали широко практиковаться групповые экскурсии по музею.

О популярности музея свидетельствует его исключительно высокая посещаемость: в 1922 году здесь побывало свыше двухсот тысяч посетителей, из них немногим менее половины— представители местных национальностей[3].

С 1922 года при музее функционировала специальная научная библиотека, основу которой положило собрание книг, принадлежавшее Н. А. Зарудному. В это же время начинают создаваться научный архив и фототека музея.

В 1924—1925 годах в Средней Азии произошло национальное размежевание республик. Оно способствовало развитию национальной экономики, науки и культуры, формированию социалистических наций. Однако наряду с национальными органами продолжал существовать ряд учреждений межреспубликанского значения. К ним относились и Туркомстарис

[1] См.: А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (б. Туркомстариса) за пятилетие его существования.—«Известия Средазкомстариса», вып. 1. 1926, стр. 21.

[2] Военно-исторический музей не был открыт вообще. В 1924 г. был создан Музей Красной Армии, в 1925 г.—Среднеазиатский музей Революции. См.: ЦГИА УзССР, ф. 31, оп. 1, д. 56, л. 37.

[3] В последующие годы в связи с введением платы за вход посещаемость музея значительно снизилась. Это было общим для всех музеев явлением.

и Главный среднеазиатский музей. Сохранение их мотивировалось необходимостью координации научно-исследовательских работ «в области изучения природы, этнографии, археологии и искусства всей Средней Азии, памятники которой неразрывно объединены уже исторически» и «невозможностью создать научно-музейные коллекции без тесной связи их с общим музейным строительством Средней Азии». Разделение коллекций Главного среднеазиатского музея было признано противоречащим интересам дела. Особенно острым явился вопрос о кадрах. «...Число работников, достаточно сведущих и опытных в областях музейного дела и охраны памятников старины, искусства и природы настолько незначительно..., что необходимо возможно большее сосредоточение их в едином центре, а не разделение по отдельным союзным республикам для самостоятельных обособленных работ»[1].

Все эти мотивы оказались столь убедительными, что в вопросах музейного дела все союзные республики Средней Азии признавали полномочия Туркомстариса, переименованного в Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). При Средазкомстарисе был оставлен и Главный среднеазиатский музей как музейный центр Средней Азии[2]. В Средазкомстарисе музей был выделен как крупное культурно-просветительное учреждение с самостоятельным бюджетом. Научную работу его по-прежнему возглавлял Средазкомстарис.

Дальнейшее развитие национальной государственности и культуры в каждой из среднеазиатских советских республик привело в 1928 году к ликвидации Средазкомстариса. Усилилась роль республиканских Наркомпросов. В том же году Главный среднеазиатский музей перешел в систему Узнаркомпроса[3]. Руководство научной деятельностью, в том числе и экспедициями, было возложено на ректора и проректора. В этот музей влился Художественный музей[4]. Объединенный музей разделился на два отдела — «Природа» и «Человек и культура». Штат музея был утвержден в количестве 26 сотрудников, из них 14 человек научного персонала. Смета музея

[1] Цитируется по указанной работе А. М. Миронова; см. также ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 116, л. 65.

[2] См.: ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 133, л. 205.

[3] Там же, ф. 396, оп. 1, д. 27, л. 18.

[4] Художественный музей был создан в 1918 г. на базе коллекций великого кн. Николая Константиновича; в 1935 г. вновь получил самостоятельность. В 1941—1943 гг. временно был объединен с Музеем истории.

на 1928—1929 годы составляла 107 991 рубль, из них на оборудование — 26 120, научные экспедиции — 9850, библиотеку — 3600 рублей[1]. Музей превратился в крупное и самостоятельное научное учреждение.

В эти годы Главный среднеазиатский музей постоянно оказывал помощь местным музеям и принимал участие в создании новых[2].

В 1925 году при нем были организованы мастерские наглядных пособий для местных музеев и школ.

С первых дней установления Советской власти в Средней Азии начался быстрый рост фондов музея, не прекращавшийся даже в трудные дни гражданской войны. В 1918—1919 годах были переданы в общенародное достояние многие ценные собрания, принадлежавшие ученым, ценителям культуры, музейным работникам. В музей поступили собрания А. А. Диваева, Н. А. Зарудного, К. М. Федорова. Большой интерес среди них представляла зоологическая коллекция Н. А. Зарудного, включавшая породы птиц Туркестана, Аравии, Абиссинии, Персии, рога винторогих козлов и муфлоновидных баранов[3]. Для полной характеристики флоры и фауны пустынь к Туркестанскому музею был целиком присоединен фонд Фарабского музея[4].

В 1919 году сотрудники музея командировались в города Самаркандской и Закаспийской областей для осмотра местных музеев, выявления дублетов и передачи их в Туркестанский народный музей. В итоге в музей поступили прекрасный оссуарий и медные монеты, оказавшиеся илекскими дирхемами[5]. От штаба округа были получены образцы вооружения и обмундирования войск соседних с Туркестаном территорий.

На пополнение фондов отпускались значительные средства. В 1918 году у гражданина Васиповского была куплена большая нумизматическая коллекция, в 1920 году — археолого-нумизматическое собрание И. И. Каштанье из долины реки Ангрен (Мунчак-Тепе) и района Термеза, а также основная

[1] См.: ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 229, л. 42.

[2] В 1924 г. музей передал некоторые материалы вновь создающемуся Музею Красной Армии и Музею П. И. Полторацкого, в 1926 г.—Товарному музею; ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 94, л. 5 и д. 147, л. 1.

[3] См.: «Наша газета», 15 декабря 1918 г.

[4] См.: ЦГИА УзССР, ф. 72, оп. 1, д. 25, л. 6.

[5] Там же, ф. 74, оп. 1, д. 21, л. 15 и д. 17, л. 3. Илекские дирхемы — монеты, бывшие в обращении в Средней Азии в XI—XII вв.

часть монет из коллекции И. Т. Пославского[1]. Одновременно с этим большое количество дублетных нумизматических материалов было передано во вновь создаваемые музеи.

В конце 1920 года в фондах Туркестанского народного музея насчитывалось около 10 тысяч предметов, из них по археологическому отделу — 3550, по нумизматическому — 2464, военно-историческому — 958, этнографическому — 895, зоологическому — 798, геологическому — 250, ботаническому — 66, художественному — 31. Росту фондов способствовало и постановление Совнаркома Туркестанской республики от 31 июня 1921 года о запрещении вывоза за границу предметов художественного и исторического значения[2].

В 1920-х годах в музее работали известные ученые—исследователи Средней Азии — М. С. Андреев, А. Л. Бродский, Д. Н. Кашкаров, К. М. Коровин, М. Е. Массон и др.

Исключительный интерес представляют итоги экспедиций, проведенных за эти годы в разных районах бывшего Туркестана[3]. С 1920 года музей начал полевой сбор материалов. Сотрудники его приняли участие в экспедиции по обследованию пещеры Конигут, материалы которой были оформлены в виде специальной выставки. В 1921 году состоялась экспедиция для сбора растений в долине реки Майдан-Таш, а в районе Чиназа и лесничестве Ак-Таш — комплексная экспедиция (ботаника, археология, этнография). Особенно широко развернулась работа в этом направлении в 1924—1927 годах. Больших результатов достигла этнографическая экспедиция М. С. Андреева и Е. М. Пещеровой в Таджикистан, которая собрала коллекцию образцов таджикских народных промыслов, в том числе и керамики с исключительной по красоте орнаментацией, установила места и даты изготовления предметов, имена мастеров и нескольких сотен неизвестных ранее местных названий орнаментов, тканей и т. д.[4] Интересные материалы (72 предмета) были доставлены этнографом Ф. А. Фильструпом из района реки Сусамир в Киргизии. Образцы

[1] См.: ЦГИА УзССР, д. 21, л. 15; д. 17, л. 12; д. 24, л. 26—27.

[2] Декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», разработанный Наркомпросом РСФСР, был утвержден Совнаркомом РСФСР 19 сентября 1918 г. (опубликован в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г.).

[3] Научные экспедиции и командировки Средазкомстариса за 1920—1925 гг.—«Известия Средазкомстариса», вып. 1. 1926. За пять лет Туркомстарис организовал 48 экспедиций, в большинстве которых принимали участие сотрудники музея. Материал экспедиций поступал в фонды музея.

[4] См.: М. С. Андреев. Материалы по этнографии, Ташкент, 1924.

домашней утвари и национальные одежды привезли из Туркмении М. И. Шевердин и И. Г. Исакович, из Киргизии — А. Садыков. Богатый материал из Дунганских поселений получил Т. М. Миргиязов, предметы домашнего быта бухарских евреев — З. А. Амитин-Шапиро[1].

С 1927 года музей начал систематически собирать предметы быта узбеков в Ташкентском округе.

В 1928 году М. Е. Массон совершил поездку в г. Туркестан и его окрестности, он же совместно с Т. М. Миргиязовым выезжал в селение Той-Тюбе для изучения оссуарского кладбища. Обследованием памятников Хорезма в 1929 году занимался А. Н. Соколов. В марте 1930 года А. А. Потапов внес проект организации первой аэрофотоархеологичесой экспедиции для облета и фиксации древностей по Аму-Дарье от Чарджоу до Нового Ургенча и в районе Вахша, осуществить которую, однако, не удалось.

Огромный научный интерес представляют результаты экспедиции Д. Н. Кашкарова, с участием энтомолога И. В. Янковского, зоолога Н. А. Бобринского, ботаника И. В. Андросова и геолога И. И. Бездека в район Сары-Чилек в Чаткальском Ала-Тау (Северо-Восточная Фергана, 1925 г.), на озеро Били-Куль (Киргизия, 1925 г.). Кроме записей, сделанных Кашкаровым, составленных карт, таблиц по биологии и географии изучаемых районов, в музей был доставлен богатый материал по петрографии (500 образцов), зоологии (около 800 образцов позвоночных и 3000 беспозвоночных) и ботанике (около 500 экземпляров растений)[2]. Ихтиологическая экспедиция Г. П. Булгакова на озеро Иссык-Куль (1925 г.) собрала много ценных сведений и доставила в музей несколько сотен экземпляров различных видов рыб[3]. Плановая экспедиционная работа не исключала получения материалов от учреждений, проводивших научно-исследовательскую работу, обмена экспонатами с другими музеями, покупки и приема в дар предметов музейного значения от населения[4].

[1] См.: ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 186, л. 31.

[2] Некоторые итоги этой экспедиции опубликованы в монографии Д. И. Кашкарова «Результаты экспедиции Главного среднеазиатского музея в районе оз. Сары-Чилек», ч. 1.—«Известия Средазкомстариса», вып. 2. 1927.

[3] См.: ЦГИА УзССР, ф. 394, оп. 1, д. 122, л. 31. Об естественноисторических экспедициях см. подробнее в указанной статье Балан, стр. 9.

[4] В 1923 г. музею была передана часть экспонатов с выставки изделий кустарной промышленности Туркестана, а в 1925 г. — некоторые экспонаты сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве (1923 г.) — *Ред.*

Музей активно участвовал в изучении природных ресурсов Средней Азии, связываясь для этого со специальными учреждениями. На межреспубликанской конференции по изучению производительных сил Средней Азии в 1925 году был заслушан доклад «Роль и значение Главного среднеазиатского музея в выявлении и изучении горных богатств в Средней Азии»[1].

Сотрудники музея публиковали научные статьи в «Известиях Средазкомстариса».

С переходом в Наркомпрос УзССР (1928 г.) начинается сужение ареала собирательской деятельности музея, ограничение ее территорией Узбекистана. На объединенном совещании директоров и научных сотрудников всех музеев и библиотек Ташкента в ноябре 1928 года отмечалось, что работа этих научных учреждений должна носить строго краеведческий характер, музеям следует ограничиваться изучением Узбекистана и его связей с другими республиками Средней Азии[2].

В 1923—1925 годах на базе собранных материалов были сделаны попытки построения краеведческой экспозиции. В залах музея (18 залов—в 1924 г., 30 залов—в 1925 г.) были выставлены богатейшие коллекции — материалы физической географии и геологии, зоологии, ботаники, этнографии, археологии и нумизматики Средней Азии (12 тысяч экспонатов в 1923 г. и 28 тысяч — в 1925 г.). Новые экспозиции явились шагом вперед по сравнению с прежним показом предметов и целых собраний, которые нередко группировались по принадлежности их бывшим владельцам или в порядке поступления в музей.

Однако экспозиция 1923—1925 годов не способствовала пониманию взаимосвязи растительного и животного мира. Характеристика животных шла исключительно по общей систематике (по классам, отрядам, семействам, родам и видам).

Памятники археологии и нумизматики и отдельные этнографические коллекции не отражали последовательного хода истории. Недостаточно разработан был этикетаж и вспомогательный материал. Краеведческий профиль музея не был выдержан: большое место в экспозиции занимали предметы, относившиеся к этнографии зарубежного Туркестана, Ирана, Афганистана. Подобные экспозиции были типичны для советских музеев того времени[3]. Все же экспозиция и выставки музея привлекали внимание подлинными памятниками природы и материальной культуры.

С 1923 года музей практиковал выставки новых поступлений. Из них наиболее значительны: зоологические материалы экспедиции Д. Н. Кашкарова на озере Били-Куль в Киргизии (1925 г.); этнографические сборы М. С. Андреева и Е. М. Пещеровой в горном Таджикистане, включавшие образцы художественных ремесел (экспонировались в 1925 году в Художественном музее); коллекция денежных знаков Средней Азии (1926 г.).

Показательны некоторые отзывы посетителей, побывавших в музее в 1924 году. Американский делегат V Конгресса Коминтерна Джемс с восхищением писал: «Для меня было прекрасным сюрпризом, что мое посещение этого музея состоит из осмотра весьма редких и богатых коллекций туркестанской флоры и фауны. Нет ничего более благородного для американского коммуниста, чем познакомиться с богатой деятельностью Советского правительства, дающей настоящее образование широким массам народа»[1]. Не менее знаменателен отзыв профессора Д. Берга, осматривавшего музей в 1925 году: «Посетив после 17-летнего промежутка Ташкент, я поражен теми успехами, какие за это время сделало музейное дело. Ташкентский краевой музей — учреждение, имеющее громадное образовательное значение даже сейчас, когда музей находится в стадии устройства»[2].

С 1927 года вновь началась перестройка экспозиций музея, цель которой заключалась в переходе от демонстрации отдельных элементов природы и памятников культуры к так называемой комплексной экспозиции. Отдел природы во вступительной части должен был давать общую характеристику природы Средней Азии. Затем предполагался показ ландшафтов Туркестана.

В отделе «Человек и культура» должны были экспонироваться бытовые комплексы, представленные в определенной хронологической последовательности[3].

Однако все эти идеи остались в зачаточном состоянии.

Отделы «Природа» и «Человек и культура» явились совершенно самостоятельными и в некоторой мере дублировали

---

[1] Конференция по изучению производительных сил Средней Азии.— «Известия Средазкомстариса», вып. 1. 1926, стр. 270.

[2] См.: ЦГИА УзССР, ф. 396, оп. 1, д. 21, л. 1.

[3] См.: О. В. Ионова. Из истории строительства краеведческих музеев в СССР (1917—1932).— «Труды НИИМ», вып. 5. М., 1961.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 396, оп. 1, д. 10, л. 1.

[2] Там же, л. 3.

[3] В историко-бытовом направлении этой экспозиции сказалось влияние историко-бытового отдела Русского Музея в Ленинграде.— *Ред.*

экспозиции Среднеазиатского музея Революции, Старогородского сельскохозяйственного музея и Зоосада.

В 1930 году музейная сеть Ташкента была реорганизована. Все вышеупомянутые учреждения объединились в два крупных музея: Среднеазиатский музей истории и истории революции (САМИИР) и Среднеазиатский музей природы и производительных сил (САМППС)[1]. САМИИР превратился в музей широкого историко-культурного профиля, базой для которого являлись фонды, включавшие более 50 тысяч предметов. За музеем закреплялось здание Белого дома. Штат музея был утвержден в составе 47 человек. Кроме 12 научных сотрудников, в него входили 3 экскурсовода. Как и в других крупных музеях СССР, при САМИИРе в 1929 году была организована аспирантура, рассчитанная на 5 человек.

Разрабатывается новая структура экспозиции. Впервые в ее основу кладется исторический принцип[2]. Предполагалось создать пять отделов: первобытная культура в Средней Азии, феодальное общество, колониальный отдел (зарождение и развитие капитализма), отдел революции и гражданской войны. Особо был выделен отдел европейской культуры. В 1930 году был открыт отдел социалистического строительства среднеазиатских республик[3].

Таковы были планы музея. Но работа над экспозицией подвигалась медленно. Переделывался ряд разделов, вводились подробные аннотации на русском и узбекском языках.

Большое внимание в этот период уделялось массовой работе. Шире начали привлекаться в музей группы рабочих заводов и фабрик Узбекистана. Среди посетителей были делегации рабочих Германии, Чехословакии, Голландии.

■

[1] Вопрос об уточнении профилей и объединении однопрофильных музеев обсуждался в эти годы на совещаниях музейных работников, в учреждениях, руководивших музейным делом (Наркомпрос РСФСР, Главнаука).— *Ред.*

[2] Попытка построения экспозиции по общественно-экономическим формациям характерна для всех музеев исторического профиля в тот период. 1929—1930 гг. были в этом отношении переломными.— *Ред.*

[3] В конце 1930 г. директор САМИИРа К. Юсупов участвовал в работе Первого съезда музейных работников в Москве. По возвращении он предложил план построения историко-хронологической экспозиции, который был составлен на основе книги М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», являвшейся в то время основным учебным пособием по истории. В структуре экспозиции оставался археологический отдел, далее шли в соответствии с концепцией М. Н. Покровского отделы «Торговый капитал», «Развитие капиталистических отношений», «Октябрьская революция и гражданская война». Однако развернуть экспозицию сотрудники не смогли.

САМИИР оказывал помощь остальным музеям республики. В частности, он передал ряд коллекций созданному в 1930 году в Самарканде Центральному государственному музею производительных сил, истории и истории революции.

■

Реэкспозиция в здании Белого дома не была завершена. 7 сентября 1930 года музей освободил это помещение для переехавшего из Самарканда в Ташкент правительства Узбекской ССР. Признавая большое политическое и культурно-воспитательное значение САМИИРа, Совнарком УзССР 1 октября 1930 года постановил приступить к строительству специального музейного здания. Однако временно штаты музея были сокращены, экспозиция почти полностью свернута, фонды частично законсервированы в Белом доме, частично переброшены в абсолютно неподходившие для них помещения.

В апреле 1931 года Туркестанский военный округ передал музею помещение собора, находившегося на площади, напротив Белого дома. Тут же был заложен фундамент нового здания музея, в комплекс которого как составная часть должен был войти собор. Однако оказалось, что по генеральному плану реконструкции города, собор перед зданием Дома правительства подлежал сносу, а площадь — расчистке и реконструкции. Поэтому музею было выделено новое место — около проектировавшегося в старом городе большого Центрального парка отдыха, вокруг которого предполагалось кольцевое расположение культурно-просветительных учреждений. В дальнейшем, строительство музея вместе с Дворцом труда было начато на месте бывшего религиозного комплекса Шейхантаур, однако работы не продвинулись дальше подготовительной стадии[1].

Не имея возможности готовить экспозицию, сотрудники музея в 1932 — 1933 годах создавали выставки[2], направляли экспедиции для сбора материалов о гражданской войне, земельно-водной реформе. Все это делалось по сокращенной программе и с весьма ограниченными штатами. Комиссия, обследовавшая САМИИР в 1933 году, отмечала, что последние три года экспедиционная работа этнографического отдела

■

[1] См.: Краткая информация Постоянной музейной комиссии Комитета наук при ЦИК Советов УзССР (1933). Архив Музея истории народов Узбекской ССР.

[2] Например: «Подавление Осиповского мятежа в 1919 г. в городе Ташкенте», «15 годовщина Октября» и др.

почти парализована, что уже более года музей не ведет научной обработки фондов. САМИИР лишился значительной части квалифицированных кадров.

Следует отметить, что в тяжелом положении находился не только САМИИР. Музейный фронт в республике в то время был вообще одним из наиболее отстающих.

■

Восстановление деятельности САМИИРа было связано с партийными и правительственными постановлениями о наглядности обучения, о преподавании истории в школах СССР[1], с новыми веяниями в исторической науке. В 1933 году ЦК УзКП(б) поставил задачу максимально использовать музеи как во внешкольной, так и в научно-исследовательской работе. Особо был выделен вопрос об организации Центрального республиканского краеведческого музея, Музея политехнизации и Музея искусств.

Для обсуждения основных вопросов музейного строительства в июне 1933 года была созвана республиканская конференция сотрудников музеев[2]. В резолюции конференции говорилось, что в период индустриального строительства, социалистической реконструкции хозяйства и создания культуры национальной по форме, социалистической по содержанию, музейная работа приобретает исключительное значение: музеи должны активно включаться в борьбу за укрепление пролетарской идеологии в среде широчайших народных масс, внедрение культурных навыков и специальных знаний, за раскрепощение женщины-труженицы, освобождение трудящихся от религиозных и феодальных предрассудков; деятельность музеев следует тесно связать с самым широким кругом научных и общественных организаций. Была особо подчеркнута роль музеев в воспитании молодежи, необходимость контакта их со школами, вплоть до включения в школьный учебный план и план политпросветработы музейных экскурсий и лекций. На конференции были вскрыты недостатки в деятельности музеев: растеряны опытные научные кадры,

■

[1] Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932 г.). «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933 г.).

[2] После заслушания общего доклада о состоянии музейной работы конференция разделилась на три комиссии: 1) музейная сеть УзССР и планирование строительства; 2) научно-исследовательская работа музеев; 3) массово-просветительная работа музеев.

ослаблена собирательская работа; отмечались случаи немарксистского освещения исторического процесса в экспозициях; ряд музеев, в том числе САМИИР, законсервированы. Конференция предложила Наркомпросу составить план музейного строительства, заняться подготовкой музейных кадров, разработать сводный план изданий музеев на вторую пятилетку. В целом конференция имела большое значение, хотя ее решения получили практическое осуществление далеко не сразу[1].

Поскольку выяснилось, что Наркомпрос не справляется с руководством музеями, САМИИР, имевший не только культурно-просветительные, но и большие научные задачи, был передан в ведение Комитета наук, явившегося зародышем Академии наук УзССР. С 1 июня 1933 года САМИИР переименовывается в Центральный узбекский музей истории и истории революции (ЦУзМИИР) с основной задачей: «Изучение на основе материалистической диалектики и показ вещественно-материальными средствами процесса смены общественно-исторических формаций и классовой борьбы народов Средней Азии от первобытного общества до строительства бесклассового общества», что фактически означало построение последовательной исторической экспозиции. На музей возлагалась организация методической работы в республике. При нем создавался научно-методический совет.

Для развития музейного дела в Узбекистане и улучшения руководства музеями большое значение имело специальное постановление «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР».

Большую роль в становлении музеев республики сыграло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором выдвигалось требование преподавания гражданской истории в живой и занимательной форме, обеспечения доступности, наглядности и конкретности исторического материала[2]. В реализации основных положений этого постановления большую роль могли сыграть музеи, обладатели наглядного и конкретного материала.

Ввиду затягивания сроков строительства нового здания в 1934 году музею было предоставлено помещение фабрики-кухни, бывшее в то время одним из самых просторных в горо-

■

[1] Краткая информация Постоянной музейной комиссии Комитета наук при ЦИК Советов УзССР (1933). Архив музея истории народов УзССР.

[2] «Правда», 16 мая 1934 г.

де. Музей был укомплектован штатами. Кроме того, по примеру Музея Революции СССР при ЦУзМИИР основывается Общество друзей Музея Революции Средней Азии, наметившее широкую собирательскую и научно-просветительную программу (пополнение фондов музея документами, организацию историко-революционных вечеров, выставок, работу с пионерами).

В сентябре 1934 года на совещании сотрудников ЦУзМИИР был заслушан доклад научного работника Музея истории народов СССР (Москва), ныне члена-корреспондента Академии наук СССР, С. П. Толстова о музейном строительстве в УзССР. В докладе, в частности, отмечалось, что музей должен иметь основным стержнем «показ пути от отсталой феодальной колониальной окраины через Октябрь к расцвету социалистического строительства» и особое внимание уделять историко-революционной тематике. Сбор материала, по мнению докладчика, следует проводить по темам: «Колониальный Туркестан», «История революционного движения в Средней Азии», «Октябрьская революция и гражданская война в Средней Азии», «Социалистическое строительство в республиках Средней Азии»[1].

Экспозиция должна была строиться в соответствии с новыми программами вузов и школ, введенными после упомянутого Постановления о преподавании гражданской истории в школах СССР.

Для реализации намеченного плана необходимо было развивать большую собирательскую деятельность. Впервые в музее во главу угла ставится комплектование фондов по истории Советского Узбекистана. В 1935 году с этой целью организуются экспедиции на Сурхан-Дарью, в Ферганскую долину, Семиречье, в районы бывших Бухарского и Хивинского ханств, а также в Таджикистан и Туркмению. Экспедиции имели ряд ценных находок.

Особенно большую работу развернул музей в связи с 20-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Участники революции и гражданской войны предоставили в распоряжение музея образцы одежды и вооружения красногвардейцев, трофеи Красной Армии — оружие басмачей (английское, французское, американское), личные вещи героев, записи воспоминаний.

■

[1] Архив Музея истории народов Узбекистана. Это не исключало, конечно, работы над историей Средней Азии до XIX—XX вв.

В 1938—1940 годах проводится сбор промышленных материалов на текстилькомбинате, маслобойном заводе в Андижане, хлопкоочистительном заводе в Фергане. В Фергане же были получены интересные документы по осуществлению земельной реформы и национальному размежеванию. Во время строительства Большого Ферганского канала сотрудники музея собрали этнографо-фольклорные источники, газеты, плакаты, выходившие на стройке, рабочие планы и карту трассы, разнообразный вещественный материал.

В 1940—1941 годах музей пополнился коллекцией знамен и трофейного оружия периода борьбы с басмачеством. Большая группа экспонатов была получена из закрытого в 1938 году Музея народного хозяйства.

ЦУзМИИР содействовал созданию художественных полотен на историко-революционные темы. В специальном обращении к художникам предлагалось пять творческих тем по периоду Октябрьской революции и гражданской войны. Художники Ф. Уфимцев, К. Мороз, Д. Милеев, Л. Волчек по заказу музея написали картины: «Запись в Красную Армию», «Допрос рабочего железнодорожных мастерских», «Бой под Чимкентом», «Пушки везут», «Июльские дни в Петрограде».

К 15-летию Узбекистана музей выступил с инициативой организовать выставку произведений художников Узбекистана, на что откликнулись 12 художников (В. Уфимцев, С. Мальт, У. Тансыкбаев и др.).

Росли и археологические коллекции музея. ЦУзМИИР участвовал в раскопках, производившихся на Ташкентском канале во время земляных работ и в феодальном замке Ак-Тепе под Ташкентом. Добытые материалы поступали в фонд музея.

В этот период сотрудники музея подготовили ряд научных трудов, среди которых следует отметить «Октябрь в Ташкенте», «Разгром Осиповского мятежа 1919 года», «Роль джадилов в восстании 1916 года». Большая часть работ принадлежит перу Т. М. Миргиязова, Л. М. Бальных, Н. Бекжевич, А. Иминджанова. Большинство сочинений не было опубликовано и осталось в рукописном фонде музея.

Материалы, которыми располагал музей, дали возможность уже 7 ноября 1935 года (в соответствии с намеченной программой) открыть первую постоянную экспозицию, в хронологической последовательности отражавшую историю Узбекистана с древнейших времен и до начала социалистическо-

го строительства. Эта экспозиция была снабжена этикетажем на русском и узбекском языках и, несомненно, являлась достижением коллектива музея. Однако она имела недостатки, свойственные краеведческим музеям того времени: в ней было мало вещественных памятников, местным материалам почти не уделялось внимания. Этим особенно страдали выставки историко-революционного и советского отделов.

Углублению работы над экспозицией по дореволюционной истории способствовала периодизация истории Средней Азии, предложенная историками С. П. Толстовым, А. Ю. Якубовским, М. К. Массоном и Б. Н. Бернштамом. На основе новой периодизации была создана хронологическая таблица, оказавшая значительную помощь при построении экспозиции. К середине 1937 года заново экспонируются разделы «История завоевания Средней Азии и превращения ее в колонию царского самодержавия», «Первая русская революция 1905—1907 гг. и национально-освободительное движение в Средней Азии», «Империалистическая война 1914 г.», «Восстание 1916 г. в Средней Азии», «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г.».

К XX годовщине Октября на основе собранных материалов был открыт раздел «Октябрьская социалистическая революция» с панорамой октябрьских боев в Ташкенте. В юбилейные дни в залах музея происходили встречи с участниками революции и гражданской войны.

Помимо постоянных экспозиций, ЦУзМИИР организовал ряд выставок, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина, Дню Парижской коммуны и др.

Популярность музея постепенно возрастала. Только с 7 ноября до конца 1935 года его посетило 11,5 тысячи человек, в 1936 году — 75 тысяч, за 10 месяцев 1937 года — 65 тысяч. Когда по новому «Положению» в 1937 году был восстановлен массовый отдел, ликвидированный в связи с закрытием музея в 1930 году, только за три месяца было проведено 146 экскурсий, охвативших 4400 человек.

В начале 1940 года музей преобразуется в Центральный музей истории УзССР, а к ноябрю того же года обновляется его экспозиция. Совершенствование ее способствовало дальнейшему росту посещаемости музея. Только за 8 месяцев 1940 года[1] в нем побывало около 90 тысяч человек. Значительно расширились связи музея со школами, чему содействовало создание в конце 1940 года школьного кабинета, снабженного наглядными пособиями, диафильмами и разрабатывавшего программы работ школьных кружков.

[1] В 1940 г. экспозиция музея была закрыта на 4 месяца.

В 1941 году мирная жизнь Советского Союза была прервана нападением фашистской Германии. С начала войны все силы советского народа направляются на разгром врага. Страна перестраивается на военный лад.

Узбекистан превратился в один из арсеналов нашей страны. Сюда эвакуируется ряд предприятий, здесь происходит быстрый монтаж привезенных заводов и строительство новых. Узбекская республика снабжала фронт оружием, обмундированием, продовольствием. Верными сынами своей страны показали себя воины-узбеки на фронтах Великой Отечественной войны.

Многие сотрудники музея — Козолупов, Назыпов, Назаров, Зверев, Николаевский, Нестеров, Муромцев — ушли на фронт. Назыпов героически погиб.

В республике происходит временное сокращение музейной сети. Закрываются постоянная Политехническая выставка и Музей атеистической пропаганды, Музей искусств был частично законсервирован и вместе с Музеем Навои в ноябре 1941 года соединен с Музеем истории УзССР.

Передав свое помещение промышленному предприятию, музей в конце 1941 года получил здание бывшей Политехнической выставки. Несмотря на недостаток кадров, в небывало короткий срок была подготовлена экспозиция в новых залах отделов искусств и истории. Уже в первой половине 1942 года были открыты залы, посвященные истории народов Узбекистана, освободительной войне Советского Союза, героической работе народа в тылу. В экспозиции на исторических примерах подчеркивалось свободолюбие узбекского народа и других народов СССР, борьба их за независимость.

В процессе подготовки экспозиции были собраны большие коллекции отечественного и трофейного оружия, обмундирования. В музей передавались награды, памятные значки, фотографии, воспоминания и рассказы о подвигах фронтовиков. Ценные реликвии были получены от делегатов узбекского народа, выезжавших для вручения даров узбекским воинам на Западном фронте.

В эти годы музей развернул большую массовую пропагандистскую работу. Помимо основной экспозиции создаются

стационарные и передвижные выставки, среди которых особенно большой популярностью пользовались «Героика нашей Родины» (1942 г.) и «Народное искусство Узбекистана» (1943 г.). Лекции на исторические и общеполитические темы читались в самом музее, в школах, воинских частях и госпиталях.

В 1943 году партия и правительство, уделявшие огромное внимание экономике, науке и культуре Узбекской ССР, реорганизовали Узбекский филиал Академии наук СССР в Академию наук УзССР. Это сыграло важную роль в развитии науки и культуры Узбекистана.

В том же году Музей истории, как центральный музей республики, проводящий научно-исследовательскую и политико-просветительную работу, был отделен от Музея искусств и включен в состав Академии наук УзССР. Это имело принципиальное значение для последующей деятельности музея. Его коллектив включился в разработку научных проблем по истории Узбекистана, что должно было обеспечить построение экспозиции на серьезной научной основе.

■

После окончания Великой Отечественной войны возобновляется прерванное ею собирание документов по дореволюционной истории Узбекистана. В 1946 году музей участвовал в комплексной экспедиции Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР в Хорезм, где был получен интересный материал, относящийся к эпохе бронзы, большая этнографическая коллекция инструментов ювелиров. В 1947 году археологи музея М. Э. Воронец и В. И. Спришевский вели раскопки погребений первых веков нашей эры в Ташкентской области. В 1948—1951 годах музей включился в работу экспедиции АН УзССР, ведшей раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде, Тешик-Тепе в Ташкенте, погребальных сооружений в Бухарской и Самаркандской областях. В 1950—1951 годах сотрудники музея участвовали в памиро-ферганской экспедиции АН СССР и АН УзССР, осуществившей этнографическое исследование Северной Ферганы и раскопки мугхана — каменных погребальных сооружений первых веков нашей эры. Были найдены интересные антрополого-археологические материалы, давшие возможность сделать важные выводы относительно истории развития культуры и экономики в Средней Азии (например, находка

сосуда I—II вв. н. э., скрепленного хлопковыми и льняными нитями, позволила утверждать, что хлопок бытовал в Узбекистане еще в первые века н. э.).

С 1953 года археолог В. И. Спришевский начал стационарное исследование Чустского поселения, очень перспективного с точки зрения освещения истории земледельческих племен Северной Ферганы эпохи позднего родового строя. В результате многолетних работ были изучены архитектура жилищ, бытовой и производственный инвентарь, определены характерные черты и особенности чустской культуры. Научный сотрудник музея Ю. Ф. Буряков совместно с кафедрой археологии Ташкентского государственного университета и Комитетом по охране памятников вел раскопки городища Минг-Урюк, представляющего собой руины древнего Шаша (Ташкент). Были вскрыты оборонительные стены и остатки жилых домов города VII—VIII вв., обнаружены орудия труда (кетмени, серпы, ножи, топор) и украшения (бусы, подвески), монеты.

В итоге экспедиций по этнографии дореволюционного Туркестана фонды музея пополнились характерными образцами одежды, тканей, вышивок, ковров, украшений местного ткацкого и чеканного производства. Одновременно приобретались и широко распространенные среди местного населения предметы производства, которые были привезены из России и отражали развитие культурных связей Туркестана (керамика, металлические изделия, ткани, вышивки и пр.). В эти же годы научным сотрудником М. М. Бабахановым собирался этнографический материал по быту местных евреев.

Лишь с 1950 года начинает уделяться внимание советскому периоду, однако продолжительное время дело ограничивалось эпизодическими сборами. С 1953 года начинается планомерное комплектование фондов по истории Советского Узбекистана в первую очередь на основе изучения продукции промышленных предприятий и колхозов. Первая экспедиция из этого цикла была организована Н. С. Садыковой на Ташкентский текстильный комбинат. В последующие годы научные сотрудники музея Н. С. Садыкова и Н. В. Мухаммеджанова собирали материал на Ташкентском и Узбекском заводах сельскохозяйственных машин, на Электрокабельном заводе, заводе им. Октябрьской революции и Текстильном комбинате в Ташкенте, на шелкомотальном и шелкоткацком комбинатах Маргелана, на предприятиях Самарканда, Бухары, Чирчика. Ценные документы по истории первенца узбекской металлургии — Беговатского металлозавода были получены в 1955 году

Л. М. Ланда. В 1956 году Э. Ю. Листовской, А. Д. Хаировым собирался материал в колхозах имени Я. М. Свердлова и «Полярная звезда» Ташкентской области, имени В. И. Ленина Бухарской области и имени С. М. Буденного и «Москва» Самаркандской области. В музей поступили образцы селекционируемых сортов хлопка, зерна, фруктов, а также экономические данные о росте колхозной продукции. Представляют интерес личные вещи и документы старейшего селекционера республики Назараши Ниязова.

Изучением быта современного колхозного крестьянства занялся этнографический отдел музея. В 1955 году Р. Якубова в Ташкентском районе Ферганской области и Шахрисябском районе Кашка-Дарьинской области собрала документальные данные о составе семьи, быте, труде и росте культурного и экономического уровня колхозников, а также образцы мужской и женской одежды, украшений и др.

Ф. Шарипов занимался вопросами истории узбекского советского театра. Т. Файзиев обогатил фонды музея ценными материалами по теме «Узбекистан в годы Великой Отечественной войны».

Решения XX съезда КПСС и XIII съезда КП Узбекистана, подчеркнувшие необходимость приближения идеологической работы к жизни, запросам народа, усиления внимания к коммунистическому воспитанию трудящихся, использования всех средств наглядной пропаганды, легли в основу дальнейшей деятельности музея.

В этот период сохраняются основные направления собирательской работы, определившиеся еще в 1953 году, но с особенной остротой ставится важнейшая задача правдивого отражения жизни, выявления неизвестных или забытых героев. В связи с приближающимся 40-летием Советской власти большое внимание уделяется источникам, освещающим историю Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Этим вопросом занимался А. Д. Хаиров в Ташкенте, Коканде, Андижане, Хорезме и Кара-Калпакии. Собираются мемориальные материалы и воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Среди них следует отметить документы, награды и личные вещи Председателя Президиума Верховного Совета УзССР Ю. Ахунбабаева.

■

С 1946 года музей приступил к созданию постоянной экспозиции по истории народов Узбекистана. Большую помощь в этом деле оказали ведущие специалисты Института истории АН УзССР и Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина — Я. Г. Гулямов, М. Е. Массон, К. Е. Житов. В свою очередь коллектив музея принял участие в составлении и обсуждении двух первых томов «Истории Узбекской ССР»[1]. Выход в свет этого обобщающего труда значительно облегчил научную разработку экспозиции. Однако в нем имелись ошибки методологического и исторического характера, свойственные исторической науке тех лет, а также связанные с нерешенностью ряда научных проблем. Эти ошибки получили отражение и во вновь открываемых экспозициях.

Структура экспозиции, как и «Истории Узбекской ССР», строилась, исходя из периодизации, данной Кратким курсом истории ВКП(б). В отделах древней истории Узбекистана иногда чрезмерно подчеркивалась роль вождей, не всегда правильной была характеристика народных движений. Односторонний подбор источников (в частности, показ лишь выдающихся памятников культуры прошлых эпох) объективно приводил к неправильным оценкам и выводам. Например, период феодализма представлялся как пора процветания. Тяжелая жизнь народа была слабо отражена в экспозиции. Отсутствовали материалы о прогрессивных общественных деятелях Узбекистана (Фуркате, Мукими др.). При показе первых революционных событий в стране и истории УзССР после Октябрьской революции в экспозиции замалчивались заслуги ряда коммунистов, сыгравших большую роль в становлении и упрочении Советской власти и строительстве коммунизма (Ш. З. Элиава, Я. Э. Рудзутак и др.).

Прежде всего были подготовлены разделы «Февральская буржуазно-демократическая революция» и «Советский Узбекистан»[2]. В 1948 году открылись разделы «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй на территории Узбекистана»[3] и «Феодальные государства»[4].

Среди экспонатов этих отделов отметим впервые выставленные предметы, найденные в палеолитической пещере Тешик-Таш (Сурхан-Дарьинская область) экспедицией лауреата Государственной премии И. П. Окладникова[5]. Обнаруженные при раскопках останки неандертальского человека дали новый материал для борьбы с расистскими измышлениями.

■

[1] История Узбекской ССР. Ташкент, т. 1, 1947; т. 2, 1950.

[2] Разработаны в 1947 г. научными сотрудниками музея А. Вильнер и Л. Крутик при консультациях К. Е. Житова.

[3] В его создании участвовали М. Э. Воронец и В. И. Спришевский.

[4] Подготовлен Т. Миргиязовым.

[5] «Тешик-Таш». М., МГУ, 1949.

В 1951 году создается отдел «Туркестан в составе царской России»[1]. В нем освещалась экономика, быт и культура народов Узбекистана второй половины XIX — начала XX века, отмечалась прогрессивность присоединения Средней Азии к России, отражались первые шаги революционного движения пролетариата. В последующие годы все разделы экспозиции дорабатывались и расширялись. В итоге, уже к 1954 году была построена экспозиция, последовательно показывавшая историю Узбекистана с древнейших времен до окончания Великой Отечественной войны.

Современности и текущему моменту посвящались отдельные выставки. С 1946 по 1955 год музей организовал 18 стационарных выставок, из которых наиболее интересными были «Строительство Фархадской ГЭС», «К 30-летию Ленинского комсомола», «К 25-летию УзССР», «Узбекская женщина», «Великая дружба» и др.

Для того времени все эти экспозиции и выставки являлись известным достижением. Однако экспозициям этих лет были свойственны, как и прежде, недостатки музейно-методического порядка, связанные с игнорированием специфики музея. Так, в большом количестве экспонировались репродукции с известных картин, фотографии, полученные из фотохроники ТАСС, и не всегда точно документированные листы из альбомов по истории ВКП(б). При этом, естественно, нарушался краеведческий характер экспозиции.

Экспозиция была заполнена картинами, которые нередко представляли собой ремесленнически выполненные иллюстрации на заданные темы и не выявляли существенных черт эпохи, а иногда даже допускали нарочитое искажение исторической правды. Обилие вспомогательного плоскостного материала делало экспозицию однообразной, скучной. Кроме того, ограниченная площадь приводила к перенасыщенности, перегрузке экспозиции. Эти недостатки особенно характерны для экспозиции, посвященной советскому периоду истории. Они были, как уже говорилось, присущи в те годы подавляющему большинству краеведческих и республиканских музеев.

После XX съезда КПСС первоочередной задачей музея стала переработка всей экспозиции прежде всего с точки зрения ее идейного содержания. Однако этому мешало отсутствие новой исторической литературы и нужных материалов

■

[1] Разработан научными сотрудниками музея Е. А. Деевой и А. И. Баногиной.

в фондах музея. Мешала также текучесть кадров, нехватка опытных музейных работников.

■

В 1951 году был вновь организован ликвидированный в военные годы массово-просветительный отдел. Это способствовало оживлению массовой работы музея. Увеличилось количество экскурсий (до 350 в год), выросла посещаемость музея. Однако до конца 50-х годов она не достигла еще довоенного уровня. Количество посетителей в среднем не превышало 40—45 тысяч человек в год. В массовой работе музея были налицо те отрицательные черты, о которых говорилось позднее в постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»[1]: отрыв от практики строительства коммунизма, узость сферы влияния, недостаточно доступная форма показа.

Основное количество лекций и экскурсий (до 70%) проводилось по разделам, относящимся к древней истории Средней Азии. Период завершения строительства социализма освещался и преподносился в экскурсии схематично, в отрыве от жизни. В своей научно-просветительной деятельности музей фактически ограничивался рамками города. Медленно прививались новые формы обслуживания населения — тематические циклы экскурсий, дни открытых дверей, экскурсии по городу, лекции и беседы на предприятиях.

■

Как и в других советских республиках, большое внимание в послевоенные годы в музее истории УзССР уделялось инвентаризации и научной обработке фондовых материалов вновь поступивших и хранившихся ранее. В 1945—1951 годах приводится в систему фотонегативный фонд, имевший особенно большое значение. В 1952—1953 годах перед музеем ставится задача полной инвентаризации фондов[2]. Однако проведенная в эти годы регистрация не была завершена и в дальнейшем к ней пришлось вновь вернуться.

Пополнение коллекций и обработка фондов подготовили большую базу для исследований. С 1948 по 1953 год на основе музейных материалов подготовлено 25 научных статей и публикаций, посвященных обобщению результатов экспедиций,

■

[1] КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., 1963, стр. 128—129.

[2] См. статью В. Н. Игнатьевой в данном сборнике.

описанию отдельных экспонатов и исторических событий, краткой характеристике некоторых фондовых и архивных материалов музея. Эта работа способствовала повышению научного уровня подготовляемых экспозиций.

С 1954 года музей начал издание «Трудов». В течение этого года вышли два выпуска, содержавшие статьи по истории революционного движения и гражданской войны, по вопросам археологии и нумизматики, а также обзор новых поступлений. В третьем выпуске, опубликованном в 1956 году, помещен краткий очерк истории музея в составе АН УзССР, статьи, посвященные истории Советского Узбекистана и содержанию фондов музея[1].

В 1955 году издается «Путеводитель по залам музея» и ряд других работ. В целом за послевоенные годы, несмотря на указанные выше существенные недостатки, отмечается значительный рост музея как научно-исследовательского и научно-просветительного учреждения.

Музей продолжает оказывать методическую помощь местным музеям. В 1949 году с этой целью его сотрудники выезжали в Самарканд и Бухару. Коллектив музея содействовал организации в Ташкенте музея атеистической пропаганды.

Период развернутого строительства коммунизма выдвинул новые задачи в области идеологии.

«Осуществление грандиозного плана коммунистического строительства,—говорится в решениях XXI съезда КПСС,— требует решительного улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их коммунистической сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, в духе соблюдения высоких принципов морали нового общества»[2].

На выполнение этих начертаний была направлена деятельность работников науки и культуры, в том числе и музеев. XXII съезд КПСС поставил перед советским народом цель — претворение в жизнь принятой съездом программы КПСС, активное участие в создании материально-технической базы коммунизма.

[1] «Труды Музея истории Узбекской ССР», вып. 1 и 2. Ташкент, 1954.
[2] КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., 1963, стр. 94.

Важнейшей задачей музеев в свете решений XXI и XXII съездов КПСС являлось создание полноценной экспозиции и отражение в ней, прежде всего, начала развернутого строительства коммунизма в нашей стране. В республиках Советского Востока, служащих маяками для освобождающихся народов Азии и Африки, построение такой экспозиции приобретает особое значение.

С 1959 года коллектив музея истории УзССР направил основные усилия на приобретение материалов по истории Советского Узбекистана, а с 1961 года, особенно после XXII съезда КПСС, большой размах получил сбор документов, которые характеризуют период коммунистического строительства, «семилетку в действии».

В 1962 году была сформулирована стержневая проблема всей научно-собирательской работы музея — «Узбекистан в период развернутого строительства коммунизма» — и намечены первоочередные темы: «Промышленный потенциал республики в семилетке», «Узбекистан — хлопковая база Советского Союза», «Наука и культура Узбекистана в период строительства коммунизма», «Архитектурный облик социалистических городов». В 1964 году в качестве специальной выдвигается тема «Руководящая роль КПСС в период развернутого строительства коммунизма».

В области промышленности сбор был начат в 1961 году экспедицией Б. Джаббарова и Ю. Гласс в Чирчик — один из новых социалистических промышленных городов Узбекистана, трудящиеся которого первыми в республике в 1960 году бросили клич о борьбе за звание «города коммунистического труда». В следующем году организуется более значительная по масштабам экспедиция в города Ангрен, Ахангаран, Алмалык, Беговат (состав экспедиции — Б. Джаббаров, А. Мирхаликов, Ш. Музапаров). Перед ней стояло несколько задач: изучение истории промышленности Ташкентской области, формирования социалистических городов, и особенно важная—получение данных относительно подъема экономического потенциала в республике в период развернутого строительства коммунизма. В Ангрене особый упор был сделан на знакомство с угольной промышленностью. В Ахангаране основным объектом внимания явилась ударная комсомольская стройка— Ахангаранский цементный завод. Деятельность экспедиции в Алмалыке и Беговате была посвящена изучению горнодобывающей и металлургической промышленности республики. Подобная же работа велась на предприятиях легкой промышленности Ташкента.

Не останавливаясь подробно на конкретных результатах работы на каждом объекте, укажем лишь основные направления сбора. Главное внимание уделялось социалистическому соревнованию, развитию форм коммунистического труда, общественной жизни городов, поселков, предприятий.

Среди полученных экспедициями материалов — социалистические обязательства, карточки личного учета, путевки и рапорты комсомольцев, документы о слетах передовиков производства, о работе общественных конструкторских бюро, вымпелы, знамена, почетные грамоты, значки бригад коммунистического труда. Большое место среди названных предметов занимают личные архивы передовых производственников. Примером тому могут служить документы и фотографии, переданные музею бывшим колхозником, а ныне машинистом-экскаваторщиком (Ангрен), делегатом XXII съезда КПСС Хаджи Аликуловым, бригадиром бригады коммунистического труда, навалоотбойщиком А. П. Загорским, старшим флотатором свинцово-цинковой обогатительной фабрики, делегатом XXII съезда КПСС П. Т. Щербининой и многими другими.

Музей собирал также, по возможности, образцы продукции промышленных предприятий. Особый интерес представляет продукция Ташкентского фарфорового завода (отдельные экземпляры юбилейных выпусков): вазы к 40-летию Октября, памятные изделия с портретами Хамза Хаким-заде Ниязи и Фурката, сервизы с орнаментом «хлопок», уникальные ажурные вазы, украшения. Пополнив раздел «Прикладное искусство Узбекистана», они послужили основой коллекции современных фарфоровых изделий ташкентского производства.

Большое внимание уделялось сборам материалов в колхозах республики, являющейся хлопковой житницей страны. Переход от ручного труда к комплексной механизации, освоение Голодной степи, появление первых механизаторов, особенно среди женщин-узбечек — все эти факты служат свидетельством коренных изменений в сельском хозяйстве Узбекистана. Изучалось развитие отдельных колхозов, были выделены специальные подтемы: «Новаторы-механизаторы сельского хозяйства», «Наши маяки», «Освоение целинных и залежных земель», «Химия — сельскому хозяйству».

В 1962 году Б. Юсупов собрал материалы о работе передовых механизаторов Турсуной Ахуновой, Валентины Тюпко, Меликузы Умурзаковой. В том же году Б. Юсупов и А. Хаиров работали в Ташкентской области над темой «Наши маяки». Изучались передовые хозяйства — колхозы «Восток» Янгиюльского района, руководимый трижды Героем Социалистического Труда Х. Турсункуловым, и «Политотдел», во главе которого стоял Герой Социалистического Труда Кем Пинхва. Эти хозяйства показывают результаты механизации основных трудовых процессов в хлопководстве («Восток»), творческой разработки методов увеличения урожайности кукурузы («Политотдел»); поучительны данные об экономике колхозов, строительстве колхозных поселков, школ, клубов и т. п. Основными результатами названных экспедиций являются вещи и документы, характеризующие социалистические обязательства и обращения колхозников, награды за их упорный труд (переходящее Красное знамя, почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, значок «Лучший кукурузовод»), фотографии передовиков производства.

Интенсивная собирательская работа велась по теме «Наука и культура Узбекистана». В 1959 году Ш. Музапаров побывал у первых ученых, приехавших в Туркестан по путевке В. И. Ленина. От академиков А. С. Уклонского, В. И. Романовского и члена-корреспондента АН УзССР И. А. Райковой были получены книги, рукописи, личные документы, фотографии. Среди них — фотоснимок: группа ученых на Казанском вокзале в Москве перед отъездом в Ташкент и первый научный прибор, привезенный в Ташкентский университет. Интересный материал предоставили в распоряжение музея академики С. Ю. Юнусов, Х. Ф. Фазылов, Х. М. Абдуллаев и др.

В итоге трехлетней работы фонды музея обогатились экспонатами, освещающими большой комплекс вопросов — от развития школьного образования до последних достижений науки, от первых шагов театрального искусства до создания академического и народного театров, физкультура, спорт, здравоохранение, рост культурных связей с братскими республиками и зарубежными странами. Материал по школьному образованию передал заслуженный учитель республики и автор первого узбекского букваря Акил Шарафутдинов, трехтомную антологию узбекской народной музыки — композитор Юнус Раджаби, у народного мастера Усто-Усмана Зафарова приобретена коллекция узбекских музыкальных инструментов.

Культурным связям Узбекистана с братскими республиками и зарубежными странами были посвящены сборы Ш. Музапарова, Ш. Шорахимова и К. Турсуналиева. В музей поступили подарки из братских республик Первому и Второму съездам женщин Узбекистана и съезду интеллигенции (отметим памятные вазы Казахской ССР, бокалы Грузии, ковры Туркменской и Киргизской ССР), подарки из ГДР, Болгарии,

Чехословакии, Индии, Индонезии, Китая и других зарубежных стран, переписка видных ученых и общественных деятелей Узбекистана с учеными других государств.

С 1964 года разрабатывается тема «Социалистические города Узбекистана». Научному сотруднику музея К. Турсуналиеву удалось получить планы генеральной реконструкции Ташкента, строительства в Ангрене, Алмалыке, Чирчике—они представляют резкий контраст с неблагоустроенными старыми городами (новая планировка, архитектурный облик домов, строительство детских яслей, школ).

В 1959—1964 годах музей развернул систематическое изыскание и изучение материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны. Работа была начата А. Д. Хаировым в Хорезме, Северной Туркмении и Кара-Калпакии (Нукус, Ходжейли, Муйнак, Ташауз, Чимбай, Куня-Ургенч). Документы, фотографии, воспоминания и ордена Хорезмской народной социалистичекой республики были переданы музею Ш. Шахабуддиновым и К. Джалметовым. 90-летний Молла Ораз Ходжимамедов поделился воспоминаниями о В. И. Ленине, с которым он встречался в 1920 году. Собранный материал освещает также участие каракалпакского народа в борьбе с басмачеством, социалистическое строительство в республике.

В 1959 году аналогичные работы велись в Самаркандской, Кашка-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской и Бухарской областях. Среди собранного в этих экспедициях — ордена, оружие, документы участников Октябрьской революции. В 1964 году подобные же изыскания охватили Ташкент и Ташкентскую область. Здесь особое внимание уделялось развитию промышленности первых лет Советского Узбекистана, в частности, созданию Хилковского цементного завода, являющегося одним из первых предприятий восстановительного периода. Были получены материалы решений ВСНХ о пуске завода (июнь 1926 г.), фотодокументы горного цеха, воспоминания главного инженера К. С. Тарновского и др.

В области этнографии основные усилия музей направил на изучение формирования рабочего класса в Советском Узбекистане, культуры и быта трудящихся города и деревни. Формирование рабочего класса прослеживалось[1] на примере нефтепромыслов Ферганы, действовавших с конца прошлого столетия. Были собраны материалы о развитии нефтяной

[1] Работа проводилась Ш. Музапаровым, ныне аспирантом Института истории и археологии АН УзССР.

промышленности, о появлении первых нефтяников-узбеков, о нескольких поколениях нефтяников, об изменении патриархального быта и обычаев в рабочей среде (документы и вещественные реликвии, фотографии семей рабочих, домашней обстановки и т. д.).

Значительные результаты дала экспедиция, изучавшая быт колхозного крестьянства Сурхан-Дарьинской области (проведена группой научных сотрудников музея под руководством М. Султанова). Область эта была выбрана не случайно. Во многих местах здесь еще сохранились локальные этнографические группы, помнившие племенное деление и имевшие свой, особый комплекс бытовых и производственных предметов. Поэтому в этом районе легче было изучить и следы старого быта, и пути перехода к новому. Вместе с тем, этот край по сравнению с другими наименее исследован и почти не представлен в фондах музея. Экспедицией были собраны сведения бытового и экономического порядка, показывавшие рост благосостояния трудящихся, преимущества коллективного хозяйства, использование в нем новой техники, трудовые успехи. Материалы о передовиках женщинах — лучшее свидетельство реализации выдвинутого Советской властью лозунга равноправия женщин. Экспедиция обогатила музей образцами современной и старинной одежды, украшений, орудий труда, фольклорными источниками о жизни кунградов, дурменов, чагатаев и юзов XIX — начала XX века.

Большой этнографический интерес представляет приобретенный музеем альбом Туркестанской фотографической выставки 1899 года, включающий около 2000 различных фотографий, которые отражают развитие ремесел, торговли, показывают городские ансамбли и т. д.

Музей систематически пополняется образцами ташкентских и ферганских вышивок, национальными костюмами дореволюционного времени и одеждой 1920—1930 годов, на которой сказалось влияние общеевропейских форм и мод. Значительно обогащается коллекция музыкальных инструментов.

Большую помощь в сборе материалов оказали многочисленные друзья музея, среди которых насчитываются рабочие, служащие, студенты, школьники, участники Октябрьской революции и гражданской войны. Они передали музею много документов, фотографий, предметов домашнего обихода, декоративного искусства и т. п. Все это позволило значительно улучшить экспозицию ряда разделов по истории Узбекистана, особенно по периоду развернутого строительства коммунизма.

Следует, однако, отметить и значительные недостатки в собирательской деятельности. Трудящиеся Узбекистана развернули широкое соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана. Необходимо было фиксировать героические дела в процессе их свершения. А музей переключался на новую тематику очень медленно. Лишь с 1961 года началось формирование фондов по современности, а такая тема, как «Руководящая роль Коммунистической партии в период развернутого строительства коммунизма», была выделена в самостоятельную лишь в 1964 году. Раздел «Социалистические города Узбекистана», особенно важный для республики, если учесть, что за годы Советской власти количество городов в УзССР более чем удвоилось, также был создан только в 1964 году.

Не совсем благополучно обстояло дело с организацией подготовки экспедиций и с качеством сбора. Музей чисто эмпирически подходил к последнему, нередко затрудняясь выделить важнейшие, характерные для данного явления материалы; иногда участники экспедиций передавали в фонды второстепенные или совершенно ненужные предметы. Не на достаточной высоте стояла документация экспедиционных сборов. Опыт обретался в процессе работы.

■

Памятники, хранящиеся в фондах музея, являются базой для его научной деятельности. Коллектив музея уделяет большое внимание фондовой работе, так как только научная обработка и систематизация фондов (включая фотографические материалы и архив) дает возможность их использования в экспозиции и в разного рода научных исследованиях.

Первоначально фонды музея сосредоточивались в руках одного хранителя, который был не в состоянии даже технически привести в порядок разнохарактерные предметы — от археологии и нумизматики до вещественных реликвий современности. Это приводило к неполноте научной документации.

Для квалифицированной научной систематизации было решено разделить фонды на отделы — археологический, нумизматический, этнографический (с подотделом вещественных реликвий), архив, фототеку и передать их в руки соответствующих специалистов музея. Одновременно с разделением проводилась новая полная инвентаризация. Обработка материалов часто сопровождалась публикациями памятников в специальных журналах.

К настоящему времени в фондах музея насчитывается более

30 тысяч археологических памятников, 50 тысяч монет и медалей, приблизительно 15 тысяч этнографических предметов, свыше 1200 вещественных реликвий, более 30 тысяч архивных документов, около 100 тысяч фотодокументов и негативов. Из них более 50% относится к истории Советского Узбекистана. О темпах пополнения фондов свидетельствуют следующие цифры: в 1960 и 1963 годах — по 4000, за 6 месяцев 1964 года — более 3000 предметов. Основная часть материалов по истории Советского Узбекистана появилась в итоге упомянутых выше экспедиций.

Если рассматривать фонды музея в целом, то особый интерес среди них представляют вещественные реликвии, связанные с историей Советского Узбекистана: коллекция знамен начиная с 1917 по 1962 год, оружие, разного рода награды, подарки к 25-летию УзССР, Первому и Второму съездам женщин Узбекистана, дары зарубежных гостей, советские ордена, альбомы и адреса, преподнесенные к юбилейным датам республики, предметы мемориального значения. Эта часть фондов музея почти полностью выставлена в соответствующих разделах экспозиции.

В богатейший этнографический фонд входят уникальные коллекции керамических изделий, изготовленных в Риштане, Коканде, Исфаре, Чусте, Канибадаме, Ходженте и Кра-Тюбе. Интересна коллекция бухарской керамики XVI—XIX веков, переданная археологом С. Н. Юреневым. Хорошо представлены материалы, относящиеся к жизни узбеков-локайцев Таджикистана: украшения, утварь, музыкальные инструменты, ковровые изделия, мужская и женская одежда, коллекции дунганских вещей (одежда, украшения, постельные принадлежности, домашняя утварь, куклы). Следует отметить ковры и ковровые изделия, собранные до революции (73 штуки) и в советское время (263 штуки) в Мервском, Пендинском, Ахал-Текинском, Хивинском, Нуратинском, Булунгурском, Джума-Базарском и Ферганском районах. Интересны образцы художественной резьбы по дереву, меди — искусство среднеазиатских умельцев. В коллекции имеются уникальные экземпляры среднеазиатских тканей, начиная с XIX века: бекасабы, ханатласы, алачи, бухарские бархаты и др.

Большой научной ценностью является археологический фонд. Наряду с разнохарактерными коллекциями дореволюционных лет в музее хранятся собрания больших советских экспедиций. Среди них особенно интересны результаты обследования пещеры Тешик-Таш, а также Махандарьинской и Чустской экспедиций. Исключительное значение для истории

искусства и архитектуры Средней Азии представляют коллекции резного штука[1] и терракоты из Варахши, скульптура и росписи Балалык-Тепе (VI—VII вв.). Музей является обладателем самой большой в Советском Союзе коллекции оссуариев — памятников погребального культа зороастрийцев (V—VIII вв.). Немалый интерес искусствоведов вызывают стеклянные изделия, полихромная глазурованная керамика. В музее собраны также орудия труда рудокопов, крепление рудников (IX—XII вв.). В последние годы этот фонд пополнился новыми материалами из Самарканда, Ташкента, Термеза, Ферганы, долины Ангрена, полученными экспедициями Института истории АН УзССР и Музея истории.

Нумизматический фонд по количеству и разнообразию монет среднеазиатского происхождения занимает первое место среди собраний республиканских музеев Средней Азии. Заслуживают внимания найденные на территории Узбекистана «золотой дарик» ахеменидского царя Дария (VI в. до н. э.), монеты Александра Македонского (IV в. до н. э.), селевкидские (III в. до н. э.), грекобактрийские, кушанские, сасанидские, бухар-худатские (VII—VIII вв. н. э.), омейядские, аббасидские (VIII в.), саманидские, караханидские (IX—XI вв.), хорезмшахские, чингизские, тимуридские, Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, медные монеты, «боны» (бумажные деньги, выпущенные в 1920—1921 годах Бухарской и Хорезмской народными советскими республиками). Эти коллекции являются в известной мере источником для изучения политической истории, для характеристики денежного обращения, торговли в стране и т. п.

Нумизматический фонд систематически пополняется новыми материалами. Так, за 1960 год поступили монеты от античных времен до XX века. Здесь и серебряная тетрадрахма Гелиокла, и клады саманидских монет X века, и серебряные монеты Бухарского и Кокандского ханств XIX — начала XX века. Особенно интересен клад серебряных монет IX—XI веков весом 12,5 килограмма из Чиназа, включающий множество типов и вариантов монет ряда районов Средней Азии. Большую ценность представляют клады медных монет Тимуридов из Янги-базара Верхне-Чирчикского района (XV в.) и серебряных из Джизака, медные и серебряные монеты XI—XII веков из селения Шаугаз Ахангаранского района и XVI века из селения Дукент. В 1962 году из совхоза «Пятилетие Узбекистана» поступило 611 серебряных монет XVII века. Среди них находятся еще не известные в нумизматике монеты второй половины XV века. В 1964 году были получены серебряные дирхемы X—XII веков из Ташкента и посеребренные — из Той-Тюбе.

[1] Барельефная и горельефная резьба по высокосортному алебастру, переходящая в скульптуру.

Из рукописных книг, хранящихся в музее, заслуживает особого внимания древнейший в мире экземпляр «Корана Османа», написанный на пергаменте куфическим письмом. По определению специалистов, он относится к первому веку «хиджры» и является единственным полным списком древнейшей рукописи корана в СССР.

Архивный фонд составился из упомянутых выше сборов документов, связанных с историей Советского Узбекистана.

Отдел фотодокументов включает около 100 тысяч позитивов и негативов, которые являются источником для изучения истории не только Узбекистана, но и всех среднеазиатских республик, входивших ранее в состав Туркестанского края.

Фонды музея были широко использованы в изданиях двух первых томов «Истории Узбекской ССР», в трудах многих ученых-историков. На этих материалах построено несколько диссертаций и монографий по истории Средней Азии. Этнографам союзных республик, искусствоведам, а также сотрудникам Узпромхудсовета фонды музея помогают в работе над вопросами культуры и быта народов Узбекистана и Средней Азии в целом.

Перед коллективом музея стоит задача дальнейшей научной обработки коллекций, составления каталогов. Каталоги, будучи результатом изучения памятников, являются в то же время необходимым пособием для развития различных сторон деятельности музея. С их помощью выявляются пробелы в том или ином собрании, они помогают максимально использовать в экспозиции фонды и производить правильный отбор экспонатов. В 1964 году подготовлены каталоги некоторых этнографических коллекций, части негативного фонда. Обработка вновь собранных и хранившихся в фондах материалов способствовала более глубокому изучению истории. За 1959—1963 годы музеем опубликовано 53 научно-исследовательские и научно-популярные работы, в их числе две монографии[1], «Путеводитель» на русском и узбекском языках (1961).

В 1963 году вышел четвертый сборник «Трудов» — «Мате-

[1] Н. С. Садыкова. Ташкентский текстильный комбинат. Ташкент 1959; Соревнование в легкой промышленности Узбекистана. Ташкент, 1961.

риалы по истории Узбекистана», посвященный истории становления Советской власти в республике, развитию школьного образования, профессиональному движению, некоторым вопросам древней и средневековой истории, истории огнестрельного оружия. В небольших сообщениях дается характеристика отдельных нумизматических коллекций и фотодокументов из архива музея. Все статьи и сообщения написаны на материалах музея. В сборнике подводятся итоги собирательской работы музея.

В связи с введением преподавания истории Узбекистана в школах музей разработал пособие для учителей, в котором давалась развернутая программа организации экскурсий с учетом местного материала.

Пополнение музейных коллекций путем экспедиций и выявление ценных источников при обработке фондов дали возможность в 1959—1963 годах значительно обогатить экспозицию. Особенно ответственная задача стояла перед сотрудниками отдела истории советского общества. Необходимо было создать экспозицию подлинно научную, интересную, отражающую героику революционной борьбы, большие успехи народного хозяйства Узбекистана, его культуры, трудовые подвиги народа, современный быт рабочих и колхозников. В основу построения экспозиции был положен историко-хронологический принцип в сочетании с отраслевым показом народного хозяйства на современном этапе его развития.

Для новой экспозиции была характерна более четко выраженная идейная направленность, серьезная научная разработка тем и стремление к максимальному использованию вещественных памятников. Из семи экспозиционных залов три были заняты экспозицией досоветского Узбекистана, один отводился под временные выставки. В трех залах располагалась экспозиция Советского Узбекистана.

Раздел «Октябрьская революция и гражданская война в Узбекистане» перестроился с учетом вновь вышедшей литературы, пополнился экспонатами, отражающими участие народа в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Среди них — ордена, медали, оружие, документы, портреты защитников революции в Ташкенте. Среди личных вещей, относящихся к эпохе гражданской войны, экспонировались шашка — подарок М. В. Фрунзе одному из активных участников свержения бухарского эмирата Искандерову, военное обмундирование, правительственные награды и ордена Ахмеджана Ибрагимова, боровшегося с басмачеством в Хорезме; сабля, орден «Звезда II степени» Бухарской народной социалистической республики и документы, принадлежавшие С. Камалитдинову — бойцу народной революции в Бухаре, бывшему Председателю Президиума Верховного Совета Узбекской ССР; вещи узбекского аксакала Юлдаша Ахунбабаева, первого узбекского генерала Сабира Рахимова. Для наглядного показа хода Октябрьских боев в Ташкенте была изготовлена электрифицированная карта.

Раздел культуры УзССР пополнился вновь собранными экспонатами, относящимися к области науки, музыки, театрального и прикладного искусства узбекского народа. Среди них — мемориальный комплекс, посвященный талантливому узбекскому композитору Талибджану Садыкову.

Особо следует отметить экспозицию «Семилетка в действии», являющуюся итогом серьезной научной работы коллектива музея. Она была целиком построена на материалах его экспедиций. Экспозиция отражала жизнь и достижения крупных промышленных предприятий Ташкента, Чирчика, Алмалыка, Ангрена, Беговата, интенсификацию, в частности механизацию сельского хозяйства, успехи в области культуры, руководящую роль партии в строительстве коммунистического общества (материалы XXII съезда КПСС, местных партийных организаций).

Значительно обогатились археологические отделы экспозиции (первобытно-общинный, рабовладельческий, ранне-феодальный).

В разделе «Туркестан в составе царской России» заново создан с помощью этнографических материалов интерьер «Дом дехканина-середняка». Открыт новый раздел «Развитие узбекской культуры в конце XIX — начале XX века», в котором освещается литературная деятельность узбекских поэтов-демократов Закирджана Фурката, Мукими, Хамза-Хаким Ниязи. Если раньше театральное искусство Туркестана было представлено только одним театром — кугирчок[1], то теперь музей пополнился уникальными вещественными материалами, принадлежащими народному артисту республики Юсупджану Кизыку[2] и не известным ранее портретом первой узбекской актрисы Максумы Кариевой.

Раздел «Революционные и народные движения в Туркестане в конце XIX — начале XX века» перестраивался по иному принципу. Он расширялся не столько за счет оригинальных источников, сколько посредством макетов на историко-революционные темы («Расстрел демонстрации 19 октября 1905 г.»,

[1] Народный кукольный театр.

[2] Прозвище «кизык» означает «интересный», «острослов».

«Забастовка в Главных среднеазиатских железнодорожных мастерских летом 1906 г.» и «Первая подпольная типография в Ташкенте 1905—1906 гг.»[1]). Новые документы были включены в раздел «Восстание саперов в 1912 г. под Ташкентом».

В 1963 году начался капитальный ремонт здания музея. Постоянная экспозиция была временно свернута, на ее материалах создавались передвижные выставки, функционировавшие в женском городском клубе им. Ю. Ахунбабаева, в республиканском, областном и городском Институтах усовершенствования учителей, во Дворце текстильщиков и т. п.

Одновременно с переработкой экспозиции перестраивалась массовая научно-просветительная работа музея. Теснее стала связь его с широкими массами. Сотрудники музея выступали на предприятиях с рассказами о сокровищах, хранящихся в музее, демонстрировали ценные экспонаты в городском лектории, совместно с преподавателями разрабатывали тематику специальных экскурсий, связанных со школьной программой, проводили беседы в махалля[2], выезжали в колхозы. Больше стали учитываться запросы посетителей. Научно-просветительный отдел укрепился квалифицированными кадрами.

Все это способствовало значительному росту посещаемости музея. В 1962—1963 годах, по сравнению с предыдущими тремя годами, она выросла примерно на одну треть. За полтора года (1962 — первое полугодие 1963 г.) в музее побывало 195 800 человек, проведено 1700 экскурсий. Поднялся процент тематических экскурсий (по сравнению с обзорными), причем особое внимание уделялось экспозициям, относящимся к Советскому Узбекистану. Только в 1962 году по этим экспозициям было организовано в 2 раза больше экскурсий, чем за три предыдущих года.

С 1962 года в музее стали регулярно проводиться тематические «дни открытых дверей» для различных категорий трудящихся — воинов Советской Армии, рабочих предприятий и школьников города. 27 мая 1962 года «день открытых дверей» прошел под девизом «Для вас, ударники коммунистического труда предприятий Ленинского района г. Ташкента»[3]. В заключение этого дня ударники коммунистического труда совершили экскурсию по историческим местам Ташкента.

■

[1] Недостаточно высокое качество исполнения макетов, сочетание подлинных бытовых вещей с бутафорскими фигурами людей, разномасштабность их вызывали справедливую критику.— *Ред.*

[2] Тип домовых комитетов.

[3] В музее выступали ученые: доктор исторических наук В. Шишкин, кандидат исторических наук О. Чехович, активные участники революции и гражданской войны в Туркестане Д. Устабаев, П. Тримасов, Ф. Чернышев и другие, народная артистка СССР Тамара Ханум и др.

В залах музея состоялись встречи школьников с участниками революционного движения, организаторами комсомола, создателями первых пионерских отрядов. Под боевыми знаменами эпохи Великого Октября и гражданской войны проходил торжественный прием в пионеры, в ряды Ленинского комсомола. У исторических революционных реликвий вступило в комсомол свыше 1000 юношей и девушек Октябрьского, Ленинского, Кировского и Куйбышевского районов столицы Узбекистана.

Еще большее внимание музей уделял выставочной работе. Успешно демонстрировались экспозиции «Ленин и Узбекистан», «По историко-революционным местам Ташкента», этнографические выставки «Быт дунган», «Узбекская народная вышивка», выставка новых материалов из раскопок. Была организована передвижная выставка «Чирчик будет городом коммунистического труда», построенная на подлинных музейных материалах. Она побывала у шахтеров Ангрена, рудокопов Алмалыка, металлургов Беговата. Всего в 1962—1964 годах было подготовлено 19 передвижных и стационарных музейных выставок.

Значительно расширилась лекционная работа[1]. Лекции строятся с привлечением музейных материалов, 50% лекций посвящается истории Советского Узбекистана. В связи с юбилейной датой — 40-летием Узбекской ССР и Компартии Узбекистана в течение 1964 года прочитано более 500 лекций, то есть почти в пять раз больше, чем за 1959—1961 годы.

С интересом встретили жители города новое начинание музея — организацию вечеров под названием «Люби свой край, Узбекистан». Разнообразие тематики, демонстрация на них ценных музейных материалов неизменно привлекали большую аудиторию.

Учитывая рост интереса молодежи и трудящихся к истории города, музей проводит экскурсии на темы «Архитектурные памятники Ташкента», «По местам революционных событий», «Столица Узбекской ССР сегодня».

■

Музей истории народов Узбекской ССР является подлинной сокровищницей материальной и духовной культуры уз-

■

[1] В 1962—1964 гг. было прочитано 780 лекций по 42 темам.

бекского народа, зеркалом его истории и коммунистического строительства. Он пользуется популярностью не только в Узбекистане, но и в других советских республиках. Об этом свидетельствуют многочисленные записи, оставленные в книге отзывов. «Восхищены древней культурой узбекского народа и еще более — гигантскими успехами советского народа», — сообщают гости из Бурятии. «Экспозиция музея дает картину исторического прошлого узбекского народа, отражает его успехи в развитии экономики и культуры в условиях Советской власти. Желаем узбекскому народу новых успехов»,— пишут делегаты Эстонии и Литвы.

«Мы восхищены неповторимой историей и героической борьбой узбекского народа за свободу. Экспонаты музея дают ясную и запоминающуюся картину и очень поучительны. С особым интересом осматриваются выставки о коммунистическом строительстве Узбекистана. ГДР гордится своими верными узбекскими друзьями» (радиоработники ГДР).

Из других зарубежных отзывов приведем запись ректора Марокканского университета Мухаммеда эль Фасна, посетившего музей в августе 1960 года: «Я с удовольствием осмотрел этот большой музей, в котором представлена вся история цивилизации страны, давшей человечеству таких ученых, как Абу Али ибн Сино и Аль-Бируни и быстро идущая сейчас по пути прогресса во всех отраслях своей жизни!» «Мне было очень интересно ознакомиться с жизнью и культурой узбекского народа. Я восхищен стремительным процессом развития экономики страны, ее героической борьбой за счастье своего народа», — пишет делегат Бразилии, доктор Улиссен Могута де Акино.

■

За годы Советской власти музей истории народов Узбекистана сохранил и использовал наследство, оставленное передовыми учеными-энтузиастами, создателями музея, активно участвовал в изучении истории республики и Средней Азии в целом, достижений коммунистического строительства УзССР, собирал, систематизировал и исследовал фонды, отражающие различные стороны жизни узбекского народа. Материалы музея являются базой для научных исследований в области истории, этнографии и археологии. Экспозиция музея и его выставки в целом еще далеко не удовлетворительные, все же послужили делу повышения культуры и образования народа, его коммунистического воспитания.

В настоящее время в коллективе музея имеются опытные сотрудники, чей стаж работы достигает 30—35 лет. Наряду с ними работает молодежь, выпускники вузов республики. Вошедший в 1963 году в систему Министерства культуры УзССР, музей включен в группу головных, являющихся научно-методической базой для всех музеев исторического профиля в Узбекистане. С 1962 года при нем организована аспирантура, готовящая музейные кадры высокой квалификации (по истории, этнографии, археологии, нумизматике и методике музейного дела).

Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (от 12 мая 1964 г.) определило направления дальнейшей деятельности музея истории народов Узбекистана.

Идя в ногу с жизнью, музей совершенствовал свою работу и активно участвовал в смотре музеев к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

■